

**ПЕРЕСМОТР ДИНАМИКИ
МАКСИМ И ЗАКОНОВ
В СВЕТЕ КАНТОВСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ**

В. К. Радхакришнан¹

В основе моральной теории Канта лежит устойчивая классификация практических основоположений на взаимоисключающие типы. Однако, помимо нескольких намеков на различие между максимами и законами, в своих работах он не занимается подробным обсуждением классификации и типов практических основоположений, что сподвигло Онору О'Нил и Льюиса Бека заново интерпретировать кантовскую классификацию практических основоположений таким образом, чтобы сделать концептуальную связь законов и максим более ясной. В этой статье я утверждаю, что интерпретации О'Нил и Бека проистекают из ошибочного прочтения фундаментального основания классификации практических основоположений. Чтобы это обосновать, я, во-первых, показываю, что Кант проводит различие между законами и максимами на основании значимости и реальности. Во-вторых, я утверждаю, что, хотя значимость и является необходимым признаком практических основоположений, их реальности как мотиватора к совершению действий на самом деле будет достаточно для превращения основоположения в практическое основоположение. Поскольку это так, я доказываю, что классификация практических основоположений должна основываться на степени их эффективности в отношении людей (то есть их реальности). Такая классификация дает нам три исчерпывающих и взаимоисключающих типа: «максимы, которые не являются потенциальными законами», «максимы, которые являются потенциальными законами» и «законы, которые не являются максимами».

Ключевые слова: Кант, практические основоположения, максима, закон, поступок, классификация, *fundamentum divisionis*, человеческая деятельность.

1. Введение

Любой человек, читающий Канта, вряд ли способен не заметить четкое различие максим и законов как двух типов практических основоположений в первом разделе «Критики практического разума»

¹ Манипалский центр гуманитарных наук, Манипалская академия высшего образования, 576104, Индия, Карнатака, Манипал, Комплекс планетария им. д-ра ТМА Пай, Алевор роуд.

Поступила в редакцию: 05.03.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-3

© Радхакришнан В. К., 2019.

**REVISITING THE MAXIM-LAW DYNAMIC
IN THE LIGHT OF KANT'S THEORY
OF ACTION**

V. K. Radhakrishnan¹

A stable classification of practical principles into mutually exclusive types is foundational to Kant's moral theory. Yet, other than a few brief hints on the distinction between maxims and laws, he does not provide any elaborate discussion on the classification and the types of practical principles in his works. This has led Onora O'Neill and Lewis Beck to reinterpret Kant's classification of practical principles in a way that would clarify the conceptual connection between maxims and laws. In this paper I argue that the revised interpretations of O'Neill and Beck stem from a mistaken reading of the fundamental basis of the classification of practical principles. To show this, I first argue that Kant distinguishes between maxims and laws on the bases of validity and reality. I then argue that although a practical principle necessarily has the feature of validity, its reality in actually moving the agents to action sufficiently makes a principle a practical principle. If this is so, I argue that the classification of practical principles must be based on the extent to which they are effective in human agents (i.e. their reality). Such a classification yields us three exhaustive and mutually exclusive types namely, "maxims that are not potential laws", "maxims that are potential laws" and "laws that are not maxims".

Keywords: Kant, practical principles, maxim, law, action, classification, *fundamentum divisionis*, human agency.

1. Introduction

Any reader of Kant can hardly look past the clear-cut distinction between maxims and laws as two types of practical principles in the first section of his *Critique of Practical Reason* (KpV, AA 05, p. 19;

¹ Manipal Centre for Humanities, Manipal Academy of Higher Education (MAHE), Dr. TMA Pai Planetarium Complex, Alevor Road, Manipal, Karnataka, India, 576104.

Received: 05.03.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-3

© Radhakrishnan V. K. 2019.

(AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321–323). Ранее, в «Основоположениях метафизики нравов», Кант дважды в сносках вводит различие максим и законов, причем в разных контекстах (AA 04, S. 401 Anm., 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 81–83 сн., 143 сн.). Это различие является основополагающим для его моральной теории. Поскольку практические основоположения лежат в основании совершения действий, хорошо обоснованная классификация этих основоположений объясняет возможность совершения людьми действий различных типов. Несмотря на ее значение, лишь несколько комментаторов критически отнеслись к классификации практических основоположений как таковой¹. Льюис Бек (Beck, 1960, p. 80–81), будучи одним из них, называет кантовскую классификацию, разделяющую практические основоположения на субъективные максимы и объективные законы, «странной» и «логически ошибочной». Вдобавок Генри Аллисон (Allison, 1990, p. 87–88) и Эндрю Рит (Reath, 2006, p. 89, сн. 24) наблюдают «неоднозначность» и «терминологическую неопределенность» в использовании Кантом «максим» и «законов» как типов практических основоположений в контексте их классификации. Путаница возникает в основном тогда, когда деление на максимы и законы понимается как полная классификация практических основоположений, поскольку такое понимание не в состоянии объяснить тот тип практических основоположений, на который опираются совершаемые людьми моральные действия. Кантовская идея морального действия предполагает, что законы являются значимыми для людей и потому могут служить им в качестве эффективных максим. По этой причине Кант объявляет законы «субъективно служащими» как максимы, когда вводит в «Основоположениях» (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81–83 сн.) два типа практических основоположений. Таким образом, четкое разделение между законом и максимой начинает

¹ Несомненно, существует обширная литература о кантовском понятии максимы. Среди наиболее влиятельных работ стоит отметить «On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of Will» Яна Моррисона (Morrison, 2005), «Ends and Principles in Kant's Moral Thought» Джона Атвелла (Atwell, 1986, p. 33–55), «Kant's Puzzling Ethics of Maxims» Йенса Тиммермана (Timmermann, 2000), «Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics» Михаэля Альбрехта (Albrecht, 2009), «Doing Things for Reasons» Рюдигера Битнера (Bittner, 2001, p. 43–64), «Another Look at Maxims» Рюдигера Бубнера (Bubner, 2000) и «Maxims and Virtues» Талбота Брюэра (Brewer, 2002). Большинство этих работ рассматривает прежде всего природу максим и их связь с действиями. Исследования, рассматривающие исключительно максимы и законы как типы практических основоположений и отношения этих типов в свете теории действия Канта, довольно редки.

Kant, 1996a, p. 153). Previously, in his *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, Kant introduces the distinction between maxims and laws as footnotes at two places in different contexts (GMS, AA 04, p. 401n, 421n; Kant, 1996b, p. 56n, 73n). The division of practical principles into maxims and laws is foundational to Kant's moral theory. Since practical principles underlie the performance of actions, a classification of practical principles on a sound basis explains the different types of actions possible for human agents to perform. Despite this significance, only a few commentators have given critical responses to the classification of practical principles into maxims and laws *per se*.¹ Lewis Beck (1960, pp. 80-81), who is one of them, calls Kant's classification of practical principles into subjective maxims and objective laws "peculiar" and "logically faulty". Additionally, Henry Allison (1990, pp. 87-88) and Andrews Reath (2006, p. 89n24) observe that there is "ambiguity" and "terminological looseness" in Kant's usage of "maxims" and "laws" as types of practical principles in the context of their classification. Confusions mostly arise when maxims and laws are read as *exhaustive* types of practical principles. This is because such a reading fails to explain the type of practical principles underlying moral actions performed by human agents. Kant's idea of moral action presupposes that laws include human agents under the scope of their relevance and, so, they can be effective as maxims in them. It is for this reason Kant declares that laws "serve subjectively" as maxims when introducing the two types of practical principles in his *Groundwork* (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996, p. 56n). Thus, the rigid conceptual separation between maxims and laws begins to blur when the two concepts unite to explain the

¹ Undoubtedly, there is a vast amount of secondary literature on Kant's notion of maxim. Some of the influential works include Ian Morrison's "On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of Will" (2005), John Atwell's *Ends and Principles in Kant's Moral Thought* (1986, p. 33-55), Jens Timmermann's "Kant's Puzzling Ethics of Maxims" (Timmermann, 2000), Michael Albrecht's "Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics" (2009), Rüdiger Bittner's *Doing Things for Reasons* (2001, p. 43-64), Rüdiger Bubner's "Another Look at Maxims" (2000) and Talbot Brewer's "Maxims and Virtues" (2002). The concerns that most of these accounts address centre on the nature of maxims and how maxims connect to actions. Rarely do we find studies exclusively meant to study maxims and laws as types of practical principles and which explore the relationship between the two in the light of Kant's theory of action.

размываться, когда оба понятия объединяются для объяснения практических основоположений, лежащих в основе совершения людьми морально значимых действий. Чтобы решить эту проблему, Бек (Beck, 1960, p. 82) добавляет к «только лишь максиме» и «закону» еще один тип практических основоположений — «закон, также являющийся максимой», тем самым превращая кантовскую классификацию в трихотомию. Аллисон (Allison, 1990, p. 88) критикует трихотомию Бека, поскольку та «скрывает действительное отношение между максимами и объективными практическими основоположениями, действующее в кантовской мысли». Она О'Нил также отвергает трихотомию Бека, предлагая собственное четырехчастное деление практических основоположений на «возможные только лишь максимы», «только лишь максимы», «законы, могущие быть максимами» и «законы, никогда не могущие быть максимами» (O'Neill, 1975, p. 34, n. 7). Таким образом, мы видим, что и «закон, также являющийся максимой» в классификации Бека, и «законы, могущие быть максимами» в классификации О'Нил объясняют значение законов для человеческих действий и защищают кантовскую теорию морального действия.

Я считаю, что рассмотренные интерпретации кантовской классификации практических основоположений, предложенные Беком и О'Нил, происходят из ошибочного понимания того основания, на котором строит свою классификацию сам Кант. Я утверждаю, что любая попытка пересмотра этой классификации требует понимания того, что практические основоположения не только значимы для действующих лиц, но также определяют их волю к действию. С одной стороны, интерпретация О'Нил ошибочно принимает степень обоснованности и степень эффективности практических основоположений за основание их классификации. С другой стороны, Бек не обращает внимания на область их действительного приложения и ошибочно принимает степень их приложимости к действующим субъектам за отличительный признак, на котором Кант строит свою классификацию. При корректном же прочтении признается, что хотя практические основоположения с необходимостью обладают определенной значимостью для действующих лиц, Кант все же считал реальность в определении воли действующих лиц необходимым и достаточным признаком практических основоположений. Если это так, то новая классификация практических основоположений должна основываться на их реальности как того, что действительно подвигает человека к поступку, а не только на их обоснованности

type of practical principles that underlie the performance of morally worthy actions by human agents. In order to resolve this issue, Beck (1960, p. 82) adds “law which is also a maxim” to “mere maxim” and “law” as another type of practical principles, thus making Kant’s classification a trichotomy. Allison (1990, p. 88) criticises Beck’s trichotomy on the grounds that it “tends to obscure the actual relationship between maxims and objective practical principles that is operative in Kant’s thought.” Onora O’Neill also rejects Beck’s trichotomy and proposes her own four-fold division of practical principles, namely, “possible mere maxims”, “mere maxims”, “laws that may be maxims” and “laws that may never be maxims” (O’Neill, 1975, p. 34n7). Thus we see that, in their classification of practical principles, Beck’s “law which is also a maxim” and O’Neill’s “laws that may be maxims” explain the relevance of laws to human agents and defend Kant’s account of moral action.

I believe that the revised interpretations of Kant’s classification of practical principles provided by Beck and O’Neill spring from a mistaken reading of what serves as the fundamental basis of Kant’s classification of practical principles. I argue that any attempt to revisit this classification requires an understanding that practical principles not only hold valid for the agents, but also determine their will to actions. On the one hand, O’Neill’s reinterpretation fallaciously presumes both the extent of their validity and the extent of their effectiveness as the fundamental bases of the classification of practical principles. On the other hand, Beck leaves out the extent of their actual application and mistakes the extent of their applicability to agents as the distinguishing feature on which Kant’s classification of practical principles occurs. Instead, a correct reading acknowledges that although practical principles necessarily have a scope of relevance to agents, Kant thought of their reality in determining the will of the agents as both a necessary and a sufficient feature of practical principles. If this is so, a reclassification of practical principles must be based on their *reality* in actually moving the agents to action and not merely on their *validity* to agents. In what follows, I show that such a revised classification results in three collectively exhaustive and mutually exclusive types of practical principles namely, “maxims that are not potential laws”, “maxims that are potential laws”

для действующих субъектов. Ниже я покажу, что такая пересмотренная классификация состоит из трех в совокупности исчерпывающих и взаимоисключающих типов практических основоположений: «максим, не являющихся потенциальными законами», «максим, являющихся потенциальными законами» и «законов, не являющихся максимами».

Последующее рассуждение состоит из пяти разделов. Следующий раздел начинается с пересмотра кантовского различения закона и максимы с целью определить их *обоснованность* (как *возможных* основоположений поступка) и их *реальность* (как *действительных* основоположений поступка) — два признака, отличающие законы от максим. При этом я покажу, что большинство исследователей не признают обоснованность и реальность в качестве двух отдельных критериев, на основании которых Кант различает законы и максимы. Принимая во внимание эти два признака практических основоположений, я начинаю третий раздел с исследования того, какой именно из этих признаков служит фундаментальным основанием классификации практических основоположений. Я покажу, что Онора О'Нил ошибочно предполагает, что классификация основана одновременно на двух этих критериях. Подобным образом Льюис Бек неверно принимает критерий обоснованности за основу классификации практических основоположений. Далее, в четвертом разделе я докажу, что данное Кантом определение практических основоположений можно понимать только таким образом, что их реальность есть одновременно необходимый и достаточный признак практического основоположения. Учитывая это, в последнем разделе я привожу пересмотренную классификацию практических основоположений, построенную на основании степени их эффективности в определении воли к совершению поступков.

2. Пересмотр различения максим и законов

К сожалению, Кант втиснул свои рассуждения о законах и максимах лишь в несколько коротких замечаний в работах по моральной философии (AA 04, S. 401 Anm., 420–421 Anm.; Кант, 1997б, с. 81–83 сн., 143 сн.; AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321–323; AA 29, S. 602–603). Рассмотрим одно из таких замечаний в сноске из «Основоположения метафизики нравов», в которой Кант определяет законы и максимы следующим образом:

Максима есть субъективный принцип действия, и ее должно отличать от *объективного принципа*, а именно, от практического закона. Мак-

and “laws that are not maxims”.

The discussion that ensues has five sections. I begin the second section by revisiting Kant's maxim-law distinction in order to identify their *validity* (as *possible* principles of action) and their *reality* (as *actual* principles of action) as two features on which maxims and laws differ as practical principles. In doing this, I show that most scholars do not recognise validity and reality as two separate criteria on which Kant distinguishes between maxims and laws. With the delineation of these two features of practical principles in mind, I begin the third section by examining which of the two serves as the correct fundamental basis of the classification of practical principles. I show that Onora O'Neill fallaciously assumes this classification as taking place on the bases of both validity and reality of practical principles. Similarly, Lewis Beck misreads the basis of the classification of practical principles as the feature of validity. Following this, in the fourth section, I argue that one can only take Kant's definition of practical principles to mean that their reality is both a necessary and a sufficient feature of practical principles. Taking this into account, in the final section, I provide a revised classification of practical principles on the basis of the extent of their effectiveness in determining the will of the agents to perform actions.

2. Revisiting the Maxim-Law Distinction

Kant infamously crammed his discussion on maxims and laws as brief notes in his works on moral philosophy (GMS, AA 04, p. 401n, p. 420–421n; Kant, 1996b, p. 56n, p. 73n; *KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153; *V-Mo/Mron II*, AA 29, pp. 602–603; Kant, 1997, p. 227). Let us consider one such footnote from his *Groundwork of the Metaphysics of Morals* wherein Kant introduces maxims and laws as follows:

A *maxim* is the subjective principle of acting, and must be distinguished from the *objective* principle, namely the practical law. The former contains the practical rule determined by reason conformably with the conditions of the subject (often his ignorance or also his inclinations), and is therefore the principle in accordance with which the subject *acts*;

сима содержит практическое правило, которое разум устанавливает согласно с условиями субъекта (чаще всего с его неведением или же его склонностями), и, следовательно, является основоположением, согласно которому субъект *действует*; закон же есть объективный принцип, имеющий значение для каждого разумного существа, и является основоположением, по которому такое существо *должно действовать*, то есть императивом (AA 04, S. 420–421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.).

На первый взгляд четкое различие максим и законов в этом фрагменте очевидно. С одной стороны, максимы есть *субъективные* практические принципы, на основании которых люди *действуют*, а с другой — законы есть *объективно значимые* практические принципы, на основании которых человек *должен действовать*. В то время как максимы подвигают отдельных людей к действиям, законы *необходимо* значимы для *всех* разумных существ. Многие комментаторы считают это различие прямолинейным и ясным (Allison, 1990, p. 87; Reath, 2006, p. 89; McCarty, 2009, p. 4; Timmermann, 2007, p. 40; Paton, 1947, p. 60)². Однако внимательное исследование дает основания полагать, что эти комментаторы ошибаются насчет отличительного признака, используемого Кантом. В своих интерпретациях они, как правило, применяют два разных критерия для обоснования различия максим и законов. Я утверждаю, что для Канта значимость и реальность — два разных свойства максим и законов, объясняющие их субъективные и объективные природы соответственно. Они также служат критериями для различия субъективных максим и объективных законов, то есть значимость и реальность — две точки расхождений между максимами и законами. Для того чтобы понять, каким образом эти критерии оказались смешаны, нам предстоит рассмотреть, как именно они различают два типа практических принципов

2.1. Обоснованность как основание для различения максим и законов

Значимость максим и законов относится к сфере их актуальности в качестве практических принципов, то есть к степени их приложимости как принципов поступка к действующим субъектам. В зависимости от значимости максимы и законы разделяются следующим образом:

² Хотя Аллисон и Рит и указывают на неоднозначность терминов «максимы» и «законы», как их использует Кант, они все же не задаются вопросом об основании этого различия, как мы уже отмечали ранее.

but the law is the objective principle valid for every rational being, and the principle in accordance with which he *ought to act*, i.e., an imperative (GMS, AA 04, p. 420-421n; Kant, 1996b, p. 73n).

What is obvious here at first glance is Kant's clear-cut distinction between maxims and laws. On the one hand, maxims are *subjective* practical principles on which an agent *acts*, and on the other, laws are *objectively valid* practical principles on which agents *ought to act*. That is, while maxims *move* individual human agents to perform actions, laws are *necessarily* valid for *all* rational agents. Many commentators of Kant take this point of difference between maxims and laws to be straightforward and clear (Allison, 1990, p. 87; Reath, 2006, p. 89; McCarty, 2009, p. 4; Timmermann, 2007, p. 40; Paton, 1947, p. 60).² However, a careful examination suggests that these commentators have mistaken the basis of Kant's maxim-law distinction. In providing their interpretation, they tend to take two different criteria to found the distinction between maxims and laws. I argue that, for Kant, validity and reality are two different features of maxims and laws that explain their subjective and objective natures respectively. These two features also serve as criteria for distinguishing between subjective maxims and objective laws. That is, validity and reality are two points of differences between maxims and laws. Before understanding how these two criteria have mostly been jumbled up, let us examine how they distinguish the two types of practical principles.

2.1. Validity as the Basis of Maxim-Law Distinction

Validity of maxims and laws refers to the scope of their relevance as practical principles. That is, it refers to the extent of their applicability to agents as principles of action. On the basis of validity, maxims and laws are distinguished as follows:

i. Subjective validity of maxims: Maxims are subjectively valid in the sense that they are applicable to individual human agents. About this, Kant

² Although Allison and Reath point out the ambiguity in the usage of the terms "maxims" and "laws", as mentioned earlier they have not questioned the basis of distinction between maxims and laws.

i. Субъективная значимость максим: максимы субъективно валидны в том смысле, что они применимы к отдельным действующим лицам. Кант пишет, что максима согласуется «с условиями субъекта (чаще всего с его неведением или же его склонностями)» (AA 04, S. 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.). Это значит, что условие максимы, требующее совершения действий для достижения определенных условных целей, значимо только для людей³.

ii. Объективная значимость законов: Кант приписывает законам объективную значимость. Он пишет, что закон «есть объективный принцип, имеющий значение для каждого разумного существа, и является основоположением, по которому такое существо *должно действовать*» (Там же). То есть законы универсально и необходимо применимы к разумным существам. Это значит, что условие закона, требующее исполнения долга, значимо для *всех* без исключения рациональных существ с необходимостью. Поскольку люди представляют собой подмножество разумных существ, объективная значимость законов означает их применимость ко *всем* людям. Интересно, что они значимы для нас как безусловные императивы должного, поскольку в дополнение к разуму люди обладают чувственной природой, требующей удовлетворения ее потребностей⁴. Теперь, так как люди *сущностно* обладают инстинктами, порывами и наклонностями как чувственными потребностями, требующими удовлетворения, законы для нас всегда будут основоположениями, в соответствии с которыми *должно* действовать. Другими словами, с точки зрения од-

³ Кант использует термин «условие» (*Bedingung*) один раз в «Основоположениях» и вновь в «Критике практического разума», когда он рассуждает о максимах и законах как основоположениях действия (AA 04, S. 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.; AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321–323). «Условие» практических основоположений относится к требованиям или ограничениям, задействованным в мотивации воли к действию (Beck, 1960, p. 81). Эти условия, оговоренные в максимах и законах, требуют исполнения посредством совершения действий. Например, требование не садиться за руль в состоянии опьянения есть условие, заключенное в максиме, запрещающей пьяное вождение. Это условие будет удовлетворено, только когда эта максима действительно ведет к тому, что действующее лицо воздерживается от вождения в нетрезвом состоянии.

⁴ Есть разница между тем, как законы необходимо значимы для людей и для чисто разумных существ. Для чисто разумных существ, обладающих только разумом, законы понимаются как внутренняя необходимость, которой всегда будет соответствовать их божественная воля. Поскольку люди обладают чувственной природой, потребности которой делают их субъективными и случайными, законы понимаются и представляются в качестве команд для их несовершенной воли, согласно которым можно действовать. Вот почему Кант пишет, что законы — это то, согласно чему должны действовать люди (AA 04, S. 414; Кант, 1997б, с. 121–125; AA 06, S. 222, 379; Кант, 2014, с. 65–69; Кант, 2018, с. 23).

writes that a maxim conforms “with the conditions of the subject (often his ignorance or also his inclinations)” (*GMS*, AA 04, p. 421n; Kant, 1996b, p. 73n). This means that the condition of a maxim which requires the performance of actions for attaining certain conditional ends are relevant to human agents alone.³

ii. Objective validity of laws: Kant ascribes objective validity to laws. He writes that a law “is the objective principle valid for every rational being, and the principle in accordance with which he *ought to act*” (*GMS*, AA 04, p. 421n; Kant, 1996b, p. 73n). That is, laws are universally and necessarily applicable to rational beings. That means that the condition of a law which requires the performance of a duty is relevant for *all* rational agents *necessarily* without exception. Since human agents are a subset of rational agents, objective validity of laws includes their applicability to *all* human agents. Peculiarly, they are valid for us as unconditional imperatives with an “ought” because, in addition to reason, human agents possess a sensible nature whose needs require satisfaction.⁴ Now, since human agents *essentially* have instincts, impulses and inclinations as sensible needs that require satisfaction, we would *always* have laws only as principles that we *ought* to act on. In other words, from the point of view of validity alone, laws are *always* applicable only with

³ Kant uses the term “condition” (*Bedingung*) once in the *Groundwork* and again in the *Critique of Practical Reason* when he discusses maxims and laws as principles of action (*GMS*, AA 04, p. 421, footnote; Kant, 1996b, p. 73, footnote; *KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). “Condition” of the practical principles refers to the demand or constraint involved in moving the will of the agents to action (Beck, 1960, p. 81). These conditions specified in maxims and laws call for satisfaction via performance of actions. For instance, the demand that one should not drive after drinking alcohol is the condition involved in a maxim that condemns drunk driving. This condition will be satisfied only when this maxim actually leads an agent to abstain from drinking and driving.

⁴ There is a difference in the way the laws are *necessarily* valid for human agents in comparison with purely rational agents. For purely rational agents, who possess only reason, laws are conceived with an inner necessity to which their divine will always conform. Since human agents possess a sensible nature whose needs make them subjective and contingent, laws are conceived and represented as commands for their imperfect will to possibly act on. This is the reason why Kant writes that laws are what human agents *ought to act on* (*GMS*, AA 04, p. 414; Kant, 1996b, p. 67; *MS*, AA 06, p. 222, 379; Kant, 1996c, p. 377).

ной лишь значимости законов они *всегда* применимы только как «должные» для контингентных и субъективных людей⁵. Это значит, что законы никогда не обладают субъективной значимостью, а значит, не обладают ею для отдельных людей. Утверждение о том, что законы релевантны для отдельных людей, отвергает либо объективность законов, либо субъективность людей, но и то, и другое — категорические ошибки⁶.

Следовательно, критерием для четкого разграничения субъективных максим и объективных законов является их значимость, то есть максимы отличаются от законов тем, что первые значимы субъективно, а вторые — объективно. С точки зрения значимости субъективность максим относится к их применимости к отдельным людям, а объективность законов относится к их применимости ко всем разумным существам. В то время как максимы — это практические принципы, на основании которых мы можем действовать, законы — это практические принципы, которые важны для нас только как долженствование. Из-за нашей случайности и субъективности законы *всегда строго* значимы для людей как обязательные, а потому никогда не применимы к отдельным людям. Это делает максимы и законы взаимноисключающими с точки зрения их значимости.

2.2. Реальность как основание для различения максим и законов

Реальность максим и законов как практических основоположений заключается в их эффективно-

⁵ Люди обладают случайностью и субъективностью благодаря своей чувственной природе. Во-первых, поскольку потребности их чувственной природы всегда стремятся к удовольствию, их несовершенная воля не соответствует с *необходимостью* абсолютному благу, к которому стремится разум в практической сфере (AA 04, S. 413; Кант, 1997б, с. 119–121). Во-вторых, хотя все люди в совокупности обладают чувственной природой, *индивидуально* они отличаются в своем патологическом и психологическом строении (AA 04, S. 451; Кант, 1997б, с. 235–237).

⁶ Идея о том, что законы никогда не являются субъективно значимыми, кажется, нарушает хорошо известный принцип Канта «должен, значит можешь». Тем не менее этот принцип не означает, что если человек должен действовать согласно законам, то он, *возможно, способен* сделать это. Скорее, он означает, что если человек должен действовать согласно законам, то он *действительно может* это сделать (A 807 / B 835; Кант, 2006, с. 1013–1015; AA 06, S. 47; Кант, 1994, с. 49–50; AA 06, S. 380; Кант, 2018, с. 23). То есть «можешь» из «должен, значит можешь» означает не действие, которое просто возможно, но действие, которое действительно возможно. Как я покажу ниже, «должен, значит можешь» Канта действует не в рамках «законов», а в рамках «максим, которые являются потенциальными законами», в которых субъективная реальность и объективная значимость объединяются.

an “ought” for the contingent and subjective human agents.⁵ This means that, laws are never subjectively valid and so are never relevant for individual human agents. The claim that laws are relevant for individual human agents discards either objectivity of laws or subjectivity of human agents, both of which are categorical errors.⁶

Therefore, validity is a criterion to sharply distinguish between subjective maxims and objective laws. That is, maxims are different from laws because the former are subjectively valid and the latter are objectively valid. From the viewpoint of validity, subjectivity of maxims refers to their applicability to individual human agents and objectivity of laws refers to their applicability to all rational agents. While maxims are practical principles on which we can possibly act, laws are practical principles that are relevant for us only with an “ought”. Due to our contingency and subjectivity, laws are *always strictly* valid for human agents with an “ought” and so are never applicable for individual human agents. This makes maxims and laws mutually exclusive from the point of view of their validity.

2.2. Reality as the Basis of Maxim-Law Distinction

Reality of maxims and laws refers to their ef-

⁵ Human agents acquire contingency and subjectivity due to their sensible nature. Firstly, since the needs of their sensible nature always seek satisfaction, their imperfect will is not *necessarily* in conformity with the absolute good that reason in the practical realm aims for (GMS, AA 04, p. 413; Kant, 1996b, p. 66). Secondly, although all human agents collectively have a sensible nature, they *individually* differ in the way they are pathologically and psychologically constituted (GMS, AA 04, p. 451; Kant, 1996b, p. 98).

⁶ The idea that laws are never subjectively valid seems to violate Kant’s well-known “ought implies can” principle. However, the principle of “ought implies can” does not mean that if a human agent ought to act on laws, then she *can possibly* do it. Rather, it means that if a human agent ought to act on laws, then she *can actually* do it (KrV, A 807 / B 835; Kant, 1998, p. 678; RGV, AA 06, p. 47; Kant, 1996d, p. 92; MS, AA 06, p. 380; Kant, 1996c, p. 513). That is, the “can” of “ought implies can” refers not to an action that is merely *possible*, but to an action that is possibly *real*. As I will show below, Kant’s “ought implies can” is at work not in “laws”, but in “maxims that are potential laws” wherein subjective reality and objective validity come together.

сти, то есть в степени их действительного применения к действующим лицам как принципов поступка⁷. На основании реальности максимы и законы делятся следующим образом:

1. Субъективная реальность максим: максимы не только субъективно значимы, но и субъективно реальны. Кант пишет, что максима «является принципом, по которому субъект *действует*» (AA 04, S. 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.). Это означает, что максимы — это основоположения, на основании которых *действительно* действуют отдельные люди, то есть условие максимы *действительно* сподвигает несовершенную волю отдельных людей к совершению действий.

2. Объективная реальность законов: выше мы видели, что, хотя объективная действительность законов включает в себя их значимость для *всех* людей в силу их разума, они всегда значимы для нас как должностное из-за нашей чувственной природы. Объективная реальность законов полностью исключена для людей из-за нашей случайной и субъективной чувственной природы. То есть из-за нашей субъективности и случайности законы никогда не могут *действительно* подвинуть нашу несовершенную волю совершать поступки. Иначе говоря, отдельные люди никогда не могут действовать согласно законам.

Для кого же тогда законы реальны? В дополнение к людям законы также объективно действительны для существ, обладающих лишь разумной природой⁸. Законы понимаются как *необходимо*

⁷ Свойство реальности, которую я приписываю практическим основоположениям Канта (максимам и законам) в этой статье, должна быть истолкована осторожно и с ограничениями. Определяя реальность основоположения как его эффективность в побуждении к действию, я имею в виду лишь ее позитивную роль в совершении действий. То есть, по определению, практические принципы обладают условием, которое определяет волю к действию (см. раздел 4.1). Вопрос о том, *мотивируют* ли сами максимы и законы к действиям, является предметом другого расширенного обсуждения.

⁸ Кант использует термин «чисто разумные существа» только один раз в «Критике практического разума» (AA 05, p. 44; Кант, 1997а, с. 381–383). Поскольку и люди, и чисто разумные существа обладают общей разумной природой, Кант иногда объединяет их в множество «разумные существа» (AA 04, S. 408, 415, 425, 433, 447, 452, 462; Кант, 1997б, с. 103–107, 125–127, 155–159, 181–183, 223–225, 237–241, 269–271; AA 05, S. 43, 67, 82; Кант, 1997а, с. 377–381, 451–453, 495–499; AA 06, S. 453; Кант, 2018, с. 181–183), но иногда и разделяет их (AA 04, S. 389, 428, 442; Кант, 1997б, с. 45–49, 165–167, 209–211; AA 05, S. 12, 21, 32, 130; Кант, 1997а, с. 303–307, 325–327, 353–355, 639–643; AA 06, S. 379; Кант, 2018, с. 23). В этой статье я использую термин «чисто разумные существа» для обозначения существ, обладающих только разумной природой. Используя этот термин, я собираюсь провести различие между действующими разумными существами с чувственной природой (например, людьми) и теми действующими разумными существами, которые ею не обладают (например, чисто разумными существами).

effectiveness as practical principles. That is, it refers to the extent of their actual application to agents as principles of action.⁷ On the basis of reality, maxims and laws are distinguished as follows:

i. Subjective reality of maxims: Maxims are not just subjectively valid, but are also subjectively real. Kant writes that a maxim is a “principle in accordance with which the subject *acts*” (GMS, AA 04, p. 421n; Kant, 1996b, p. 73n). This means that maxims are principles on which individual human agents *actually* act. That is, the condition of a maxim *actually* moves the imperfect will of individual human agents to perform actions.

ii. Objective reality of laws: We saw above that, although objective validity of laws includes their relevance to *all* human agents by virtue of our reason, they are always relevant for us with an “ought” due to our essential sensible nature. Now, objective reality of laws fully excludes human agents due to our contingent and subjective sensible nature. That is, owing to our subjectivity and contingency, laws can never *actually* move our imperfect will to perform actions. In short, individual human agents can never act on laws.

Who, then, are laws real for? In addition to human agents, laws are also objectively valid for purely rational agents.⁸ That is, laws are conceived of as *necessarily* relevant practical principles by *all* purely rational agents who possess only an intelligible na-

⁷ The feature of reality that I have attributed to Kant’s practical principles (maxims and laws) throughout this paper must be construed carefully with limitations. By defining a principle’s feature of reality as its effectiveness in moving agents to action, I am merely referring to its positive role in the performance of actions. That is, by definition, practical principles have a condition which determines an agent’s will to action (see section 4.1). The question whether maxims and laws *motivate* agents to action *by themselves* is a subject matter of another extended discussion altogether.

⁸ Kant uses the term “pure rational beings” only once in his *Critique of Practical Reason* (KpV, AA 05, p. 44; Kant, 1996a, p. 175). Since human agents and purely rational agents share an intelligible nature, Kant sometimes clubs both the species under “rational beings” (GMS, AA 04, p. 408, 415, 425, 433, 447, 452, 462; Kant, 1996b, p. 62, 68, 76, 83, 95, 99, 108; KpV, AA 05, p. 43, 67, 82; Kant, 1996a, pp. 174–175, 194, 206; MS, AA 06, p. 453; Kant, 1996c, p. 572) and sometimes separates the two (GMS, AA 04, p. 389, 428, 442; Kant, 1996b, pp. 44–45, 79, 90; KpV, AA 05, p. 12, 21, 32, 130; Kant, 1996a, p. 146, 155, 165–166, 245; MS, AA 06, p. 379; Kant, 1996c, p. 512). I use this term “pure rational agents” throughout this paper to refer to beings that possess only an intelligible nature. By using this term, I intend to draw a distinction between rational agents who possess a sensible nature (i.e. human agents) and rational agents who lack a sensible nature (i.e. purely rational agents).

значимые практические основоположения *всех* существами, обладающими лишь разумной природой. Из-за отсутствия чувственной природы законы воспринимаются ими с внутренней необходимостью, которая заставляет их божественную или совершенную волю всегда подвигаться этими законами. Об этом Кант пишет, что божественное «воление [чисто разумных существ] уже само по себе необходимо согласуется с законом». Иными словами, божественная воля *всех* чисто разумных существ обязательно соответствует законам (AA 04, S. 414; Кант, 1997б, с. 121–123). Таким образом, они «охотно дела[ют] всё сообразно с законом» (AA 06, S. 405; Кант, 2018, с. 79). Условие закона *действительно* подвигает совершенную волю всех чисто разумных существ к совершению действий.

Следовательно, реальность — еще один критерий, позволяющий четко различать субъективные максимы и объективные законы. Это значит, что максимы отличаются от законов тем, что первые субъективно реальны, а вторые объективно реальны. С точки зрения реальности субъективность максим означает их действительную приложимость только к отдельным людям, а объективность законов предполагает их действительную приложимость ко всем разумным существам. Это также означает, что чисто разумные существа никогда не действуют согласно максимам, а люди никогда не действуют согласно законам. Таким образом, с точки зрения их реальности максимы и законы остаются взаимоисключающими типами практических основоположений.

Это различие между максимам и законами, основанное на значимости и реальности, не является очевидным в первых строках основного текста «Критики практического разума». Хотя Кант и обсуждает максимы и законы, его основная цель в этом отрывке состоит в том, чтобы *классифицировать* практические основоположения на максимы и законы, а не просто *различать* эти два типа. Тем не менее при внимательном взгляде на этот отрывок мы можем заметить встроенное различие между максимам и законами на основании их значимости и реальности. Во-первых, очевидно различие между максимам и законами на основании значимости: Кант противопоставляет максимы, чье «условие рассматривается субъектом как *значимое* только для его воли» (курсив мой. — *V. P.*) (субъективная значимость), законам, в которых условия «признаются объективными, то есть *значимыми* для воли каждого разумного существа» (курсив мой. — *V. P.*) (объективная значимость) (AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321). Во-вторых, различие максим и законов на основании их реальности можно увидеть толь-

ture with reason. Due to the lack of a sensible nature, laws are conceived by them with an inner necessity which makes their divine or perfect will to always be moved by these laws. About this Kant writes that the divine “volition [of purely rational agents] is of itself necessarily in accord with the law.” That is, the divine will of *all* the purely rational agents is *necessarily* in conformity with the laws (GMS, AA 04, p. 414; Kant, 1996b, p. 67). Thus, they would “gladly do everything in conformity with the law” (MS, AA 06, p. 405; Kant, 1996c, p. 533). The condition of a law *actually* moves the perfect will of all the purely rational agents to perform actions.

Therefore, reality is another criterion to sharply distinguish between subjective maxims and objective laws. That is, maxims are different from laws because the former are subjectively real and the latter are objectively real. From the viewpoint of reality, subjectivity of maxims refers to their actual application only to individual human agents and objectivity of laws refers to their actual application to all purely rational agents. This also means, purely rational agents never act on maxims and human agents never act on laws. Thus, from the point of view of their reality, too, the mutual exclusivity of the maxim-law distinction is retained.

This distinction between maxims and laws on the bases of validity and reality is not straightforwardly evident in Kant’s opening lines in the main body of his *Critique of Practical Reason*. Although he discusses maxims and laws, his primary purpose in that passage is to *classify* the practical principles into maxims and laws and not merely to *distinguish* between the two types. Yet, a careful look at the passage could help us notice the tightly embedded maxim-law distinction on the bases of validity and reality. Firstly, what is clearly apparent is the maxim-law distinction on the basis of validity: he contrasts maxims whose “condition is regarded by the subject as *holding* only for his will [my italics — V. R.]” (subjective validity) with laws whose “condition is cognized as objective, that is, as *holding* for the will of every rational being [my italics — V. R.]” (objective validity) (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). Secondly, the maxim-law distinction on the basis of reality can only be seen in the light of the definition of practical principles that Kant presents above the two lines on maxims and laws. He writes that practical principles essentially “con-

ко в свете определения практических основоположений, которое Кант дает выше тех двух строк, где он говорит о максимах и законах. Он пишет, что практические основоположения суть «содержащие в себе определение воли, которому подчинено много практических правил» (Там же). Фраза «определение воли» относится к мотивации воли к совершению действий. То есть существенной особенностью практических основоположений является их способность обеспечивать совершение добровольных действий⁹. Поскольку максимы и законы являются двумя типами практических основоположений, эта реальность в определении воли к поступку становится существенным свойством для обоих. Учитывая, что максимы — субъективные практические основоположения, а законы — объективные практические основоположения, первые субъективно реальны, а вторые объективно реальны.

Следовательно, значимость и реальность служат критериями для различения основоположений и законов.

Онора О'Нил — единственный исследователь, близко подошедший к такому прочтению различия между максимами и законами Канта. В работе «Действуя согласно основоположениям» (1975) она проводит различие между максимами и законами на основании их значимости и реальности, не говоря об этом прямо. Она понимает максиму вообще как «принцип конкретного рационального агента в определенное время» и идентифицирует «возможные только лишь максимы» (из-за их субъективной значимости) и «только лишь максимы» (из-за их субъективной реальности) как два различных типа практических основоположений. Что еще более важно, она считает законы отличными от максим не только потому, что они «значимы для всех рациональных агентов во все времена» (объективная значимость), но и потому, что они «всегда будут приниматься не любыми, а чисто разумными существами, о которых Кант говорит, что они обладают святой волей» (объективная реальность) (O'Neill, 1975, p. 34, n. 7).

Хотя Роберт Джонсон (Johnson, 1998, p. 357) также приближается к пониманию кантовского различия законов и максим, которое я разработал выше, он дает только неполное его описание. Он признает значимость и реальность как два свойства, определяющие субъективность максим, не называя их таковыми. Он пишет, что максимы «(а) представляют наши мотивы... действительных действий» (курсив мой. — В. Р.) (субъективная реальность) и «(б) представляют

tain a general determination of the will, having under it several practical rules" (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). The phrase "determination of the will" refers to moving an agent's will towards the performance of actions. That is, the essential feature of practical principles is their capacity to enable the performance of voluntary actions.⁹ Since maxims and laws are the types of practical principles, this feature of reality in determining the agent's will to action is an essential feature common to both of them. Given that maxims are subjective practical principles and laws are objective practical principles, the former are subjectively real and the latter are objectively real.

Therefore, validity and reality serve as criteria for distinguishing between maxims and laws.

Onora O'Neill is the only writer who comes very near to this line of thought concerning Kant's maxim-law distinction. In her *Acting on Principles* (1975), she distinguishes between maxims and laws on the basis of validity and reality without articulating it as such. She understands maxims generally as "the principle of a particular rational agent at a particular time" and identifies "possible mere maxims" (due to their subjective validity) and "mere maxims" (due to their subjective reality) as two different types of practical principles. More importantly, she considers laws as different from maxims not only because they are "valid for all rational agents at all times" (objective validity), but also because they "will not always be adopted by any but wholly rational agents — beings who have what Kant calls a holy will" (objective reality) (O'Neill, 1975, p. 34n7).

Although Robert Johnson (1998, p. 357) also comes close to the understanding of Kant's maxim-law distinction that I have developed above, he presents an incomplete account of it. He recognises validity and reality as two features that define the subjectivity of maxims without naming them as such. He writes that maxims "(a) represent our motivations [...] of *actual* actions [*my italics* — V.R.]" (subjective reality) and "(b) represent our valuations, on which we may fail to act" (subjective validity). Yet, he contrasts these two features of maxims with the objective validity of laws alone, leaving their feature of reality behind. Similarly, Rüdiger Bittner (2001, p. 44) and Talcot Brewer (2002, p. 541)

⁹Для уточнения этой позиции см. раздел 4.1.

⁹See section 4.1. below for the elucidation of this point.

наши оценки, на основании которых мы можем оказаться не способными действовать...» (субъективная значимость). Тем не менее он противопоставляет эти два свойства максим только объективной значимости законов, оставляя их реальность без внимания. Точно так же Рюдигер Биттнер (Bittner, 2001, p. 44) и Талбот Брюэр (Brewer, 2002, p. 541) признают значимость и реальность как два разных свойства максим (не называя их таковыми), но не противопоставляют максимы и законы, используя эти критерии.

Большинство других кантоведов использовали для различения только субъективную реальность максим и объективную значимость законов. Эндрюс Рит (Reath, 2006, p. 89) утверждает, что максимы и законы различны, поскольку максимы «действительно приняты действующим лицом» (субъективная реальность), а законы «значимы для любого разумного существа» (объективная значимость). Точно так же Герберт Патон (Paton, 1947, p. 60) отмечает, что максимы — это основоположения, которые действующее лицо «выбирает, чтобы действовать на их основе» (субъективная реальность), а законы — «основоположения, на основании которых будет действовать любое разумное существо» (объективная значимость). Кроме того, Генри Аллисон (Allison, 1990, p. 87), Ян Моррисон (Morrison, 2005, p. 76), Йенс Тиммерман (Timmermann, 2007, p. 40) и Ричард Маккарти (McCarty, 2009, p. 4) прочитывают эти два отрывка из «Основоположений» так, будто они предполагают, что максимы отличаются от законов тем, что первые — основоположения, на основании которых действуют (субъективная реальность), а вторые — основоположения, на основании которых должно действовать (объективная действительность). Без сомнения, все эти комментаторы правы, когда говорят, что максимы субъективно реальны, а законы объективно значимы. Однако их ошибка заключается в использовании неверного критерия для различения максим и законов¹⁰.

Исключениями из этой тенденции являются Аллен Вуд (Wood, 1999, p. 108) и Нельсон Поттер (Potter, 1994, p. 61–62), которые переворачивают комбинацию критериев для различения максим и законов, используя значимость максим и реальность законов. Согласно Вуду, Кант различает максимы и законы, поскольку первые «обладают только субъективной значимостью», а вторые «универсально обязательны для всех разумных воле» (объективная реальность). Точно так же Поттер пишет, что «максима относит-

acknowledge the validity and reality as two different features of maxims (without naming them as such), and yet do not appropriately contrast maxims with laws using these criteria.

Most of the other scholars of Kant have taken only the subjective reality of maxims and the objective validity of laws to distinguish between the two. Andrews Reath (2006, p. 89) claims that maxims and laws are different because maxims are “actually adopted by an agent” (subjective reality) and laws are “valid for any rational being” (objective validity). Similarly, Herbert Paton (1947, p. 60) notes that maxims are principles that an agent “chooses to act on” (subjective reality) and laws are “principles on which any rational agent would act” (objective validity). In addition, Henry Allison (1990, p. 87), Ian Morrison (2005, p. 76), Jens Timmermann (2007, p. 40) and Richard McCarty (2009, p. 4) read the two passages in Kant’s *Groundwork* as suggesting that maxims are different from laws because the former are principles on which an agent acts (subjective reality) and the latter are principles on which an agent ought to act (objective validity). Without a doubt, all these commentators are correct in saying that maxims are subjectively real and laws are objectively valid. However, their mistake lies in wrongly using this as a base for the maxim-law distinction.¹⁰

Exceptions to this trend are Allen Wood (1999, p. 108) and Nelson Potter (1994, pp. 61–62) who reverse this criteria mix-up by differentiating maxims and laws using validity of maxims and reality of laws. For Wood, Kant distinguishes between maxims and laws because the former “have only subjective validity”, while the latter “are universally binding on all rational wills” (objective reality). Similarly, Potter writes that “maxim holds or is ‘valid’ only for the agent” and contrasts it with laws “which are regarded as binding on all agents” (objective reality). Once again, both Wood and Potter are right in viewing maxims as subjectively valid and laws as objectively real. However, their mistake lies in reading Kant’s maxim-law distinction as founded on these criteria.

In interpreting Kant’s passages, most of these

¹⁰ Роберт Джонсон (Johnson, 1998, p. 354) также признает наличие этого тренда и называет такой подход к разграничению максим и законов «ушербным».

¹⁰ Robert Johnson (1998, p. 354), too, acknowledges this trend and calls this way of distinguishing maxims and laws “flawed”.

ся к или “значима” только для агента», и противопоставляет ее законам, «которые считаются обязательными для всех действующих лиц» (объективная реальность). Еще раз: и Вуд, и Поттер правы, считая максимы субъективно действительными, а законы объективно реальными. Тем не менее их ошибка заключается в использовании неверного критерия для кантовского различения максим и законов.

При интерпретации Канта большинство этих комментаторов используют одно свойство максим и другое свойство законов в качестве критерия для различения между максимами и законами. Такое толкование не только логически ошибочно, но и может даже заставить нас задуматься, не совершил ли Кант ошибку, предложив только кажущееся различие. Причина недоразумения — отсутствие четкого разграничения между значимостью и реальностью практических основоположений, которое может привести к ошибочному мнению, будто объективная значимость законов автоматически подразумевает, в свою очередь, значимость для отдельных людей (то есть субъективную значимость). Это может означать, что некоторые максимы также являются и законами, что размывает границы этих двух понятий. Идентификация значимости и реальности как двух различных свойств максим и законов и использование их в качестве двух различных критериев для различения практических основоположений — единственный способ сохранить проведенное Кантом различие между максимами и законами.

3. Обоснование классификации практических основоположений: две неверные интерпретации

В предыдущем разделе мы увидели, как некоторые исследователи принимают проведенное Кантом различие между основоположениями и законами, не ставя под сомнение его основание. В то же время другие, похоже, воспринимают фрагменты Канта, в которых идет речь о максимах и законах, как указание на исчерпывающую классификацию практических основоположений. Иными словами, некоторые комментаторы утверждают, что Кант не только различает максимы и законы как два разных типа практических основоположений, но также, кажется, принимает максимы и законы как единственные типы практических основоположений (Beck, 1960, p. 80; Silber, 1960, p. 86; Timmermann, 2010, p. 75, n. 3). Если максимы и законы являются единственными типами практических основоположений, то все практические основоположения могут быть исчерпывающе перечислены как попадающие в категорию либо

commentators use one feature of maxims and another feature of laws as a criterion to distinguish between maxims and laws. Such a mistaken reading of Kant’s maxim-law distinction is not only logically faulty, but can even make us wonder if Kant committed the fallacy of distinction without a difference. This is because lack of a careful delineation between validity and reality of practical principles can lead to a mistaken understanding that objective validity of laws automatically implies their relevance to individual human agents (i.e. subjective validity) as well. This could mean that some maxims are also laws, thus blurring the mutual exclusivity of the two concepts. Identification of validity and reality as two different features of maxims and laws and using them as two different criteria to distinguish between them is the only way to keep Kant’s maxim-law distinction intact.

3. Grounding the Classification of Practical Principles: Two Misinterpretations

In the section above we saw how certain scholars assume Kant’s distinction between maxims and laws without casting any doubt on its basis. Now, there are others who seem to take Kant’s passages on maxims and laws as also indicating an exhaustive classification of practical principles. In other words, some commentators claim that Kant not only distinguishes between maxims and laws as two distinct types of practical principles, but also seem to take maxims and laws as the only types of practical principles (Beck, 1960, p. 80; Silber, 1960, p. 86; Timmermann, 2010, p. 75n3). To say that maxims and laws are the only types of practical principles means that all the practical principles can exhaustively be listed as falling either under maxims or under laws. Our new understanding that maxims and laws are two different types of practical principles having the features of validity and reality does not necessarily mean that practical principles are exhaustively divided into maxims and laws. In simple words, mutual exclusivity of maxims and laws does not ensure that they are col-

максим, либо законов. Наше новое понимание того, что максимы и законы — это два различных типа практических основоположений, имеющие свойства значимости и реальности, не требует обязательной полноты деления «максима — закон». Проще говоря, взаимная исключительность максим и законов не гарантирует, что вместе они представляют собой исчерпывающую типологию практических основоположений. И все же повторное рассмотрение кантовского различения максим и законов в предыдущем разделе явно показало, что практические основоположения вообще обладают значимостью и реальностью. В контексте обсуждения их классификации возникает вопрос, какое из двух свойств служит основанием для разделения практических основоположений. Иначе говоря, если практические основоположения вообще обладают значимостью и реальностью, какое из этих двух свойств служит основанием для их классификации?

3.1. Ошибочная классификация О'Нил по двум основаниям

В предыдущем разделе мы увидели, что Онора О'Нил использует значимость и реальность как два критерия для проведения различия между максимами и законами, не идентифицируя их как таковые. Аналогично кантовская классификация практических основоположений формируется для нее на основании одновременно и значимости, и реальности, без явного указания на них (O'Neill, 1975, p. 34, n. 7). Однако такое прочтение может быть проблематичным, поскольку для построения устойчивой классификации практических основоположений должно существовать только одно основание для деления (*fundamentum divisionis*). Если практические основоположения разделяются на основании их значимости и реальности одновременно, то элементы такого деления не будут взаимоисключающими. Это значит, что в некоторых случаях практические принципы одного вида будут пересекаться с принципами другого. Проанализируем эту проблему в случае О'Нил. Как уже упоминалось во введении, О'Нил представляет четырехчленную классификацию практических основоположений, основанных как на их значимости, так и на их реальности. Вот ее виды практических основоположений:

1. «Возможные только лишь максимы»: эти практические основоположения обладают субъективной значимостью, то есть имеют значение для отдельных людей как то, что может быть принято ими.

lectively exhaustive types of practical principles. Yet, revisiting Kant's maxim-law distinction in the previous section has given us a clear hint that practical principles generally have the features of validity and reality. In the context of discussing their classification, it makes us wonder which of the two features serves as a basis for a division of practical principles. In other words, if practical principles generally have validity and reality as two features, which one of the two serves as a foundation of their classification?

3.1. O'Neill's Faulty Classification on Two Bases

In the previous section, we saw Onora O'Neill using validity and reality as two criteria of maxim-law distinction without identifying them as such. Similarly, she sees Kant's classification of practical principles as emerging on the bases of both validity and reality without explicitly stating them as such (O'Neill, 1975, p. 34n7). However, such a reading can be problematic because for a stable classification of practical principles there can be only one basis of division (*fundamentum divisionis*). If practical principles are divided on the basis of both their validity and reality, it leads to a lack of mutual exclusivity among its divisions. This would mean that some cases of one type of practical principles overlaps with another type. Let us analyse this problem in O'Neill's case. As mentioned in the introduction of this paper, O'Neill introduces a four-fold classification of practical principles on the bases of both validity and reality. Her types of practical principles are:

i. "Possible mere maxims": These practical principles have subjective validity. That is, they are relevant for individual human agents as that which can possibly be adopted.

ii. "Mere maxims": These practical principles have subjective reality. That is, they are actually adopted by individual human agents for performing actions.

iii. "Laws that may be maxims": These practical principles have objective validity. That is, they are applicable for all rational agents and *may be* adopted

2. «Только лишь максимы»: эти практические основоположения имеют субъективную реальность, то есть фактически принимаются отдельными людьми для совершения действий.

3. «Законы, которые могут быть максимами»: эти практические основоположения имеют объективную силу, то есть применимы ко всем разумным существам и *могут быть* усвоены отдельными людьми для совершения действий.

4. «Законы, которые никогда не могут быть максимами»: эти практические основоположения обладают объективной реальностью, то есть с необходимостью подвигают всех исключительно разумных существ совершать действия и никогда не могут быть усвоены отдельными людьми.

В этой классификации «возможные только лишь максимы» и «законы, которые могут быть максимами» обладают значимостью, в то время как «только лишь максимы» и «законы, которые никогда не могут быть максимами» обладают реальностью. Другими словами, О'Нил, с одной стороны, использует значимость «возможных только лишь максим» и «законов, которые могут быть максимами», а с другой — использует реальность «только лишь максим» и «законов, которые никогда не могут быть максимами» как основания для их классификации как практических основоположений. Проблема этой классификации заключается в отсутствии взаимоисключительности между всеми типами, поскольку некоторые практические основоположения могут падать под два или более из них. Например, если человек принимает принцип, позволяющий выкуривать сигареты одну за другой, то его можно отнести и к категории «возможной только лишь максимы», и к категории «только лишь максимы». Это связано с тем, что, с одной стороны, этот принцип значим для всех отдельных людей, чья идея хорошей жизни допускает немедленное удовлетворение потребности, а с другой — побуждает отдельного человека курить сигареты одну за другой¹¹. Точно так же, если отдельный человек принимает принцип, который требует, чтобы он не нарушал обещания, его можно отнести и к категории «закон, могущий быть максимой», и к категории «только лишь максима», поскольку, с одной стороны, этот принцип обязательно применим ко всем людям, а с другой — он заставляет отдельного человека выполнять данные им обещания. Следовательно, классифика-

¹¹ Джонсон (Johnson, 1998, p. 356) отмечает отсутствие взаимного исключения между «возможными только лишь максимами» и «только лишь максимами» в классификации О'Нил, указывая на основоположения, которые действующее лицо распознает как применимые, но тем не менее не действует исходя из них.

by individual human agents to perform actions.

iv. “Laws that may never be maxims”: These practical principles have objective reality. That is, they necessarily move all the purely rational agents to perform actions and may never be adopted by individual human agents.

In this classification, “possible mere maxims” and “laws that may be maxims” have validity, while “mere maxims” and “laws that may never be maxims” have reality. In other words, O’Neill, on the one hand, uses validity of “possible mere maxims” and “laws that may be maxims” and, on the other hand, uses reality of “mere maxims” and “laws that may never be maxims” as bases for classifying them as practical principles. The problem with this classification is the lack of mutual exclusivity among the divisions as certain practical principles can fall under two or more of them. For instance, if a human agent adopts a principle that allows the act of smoking cigarettes one after the other, then it can be categorised as both a “possible mere maxim” and a “mere maxim”. This is because, on the one hand, this principle is relevant for all the individual human agents whose idea of a good life allows for immediate pleasure gratification and, on the other, it also moves an individual agent to smoke cigarettes one after the other.¹¹ Similarly, if an individual human agent adopts a principle that requires her not to break promises, then it can be categorised as both a “law that may be a maxim” and a “mere maxim”. This is because, on the one hand, this principle is necessarily relevant for all the human agents and, on the other hand, it moves an individual agent to keep the promises she makes. Hence, a classification of practical principles on both validity and reality is a faulty one. This means, only one of the two features, namely validity or reality can be a distinctive feature on the basis of which a stable

¹¹ Johnson (1998, p. 356) notes this lack of mutual exclusivity between O’Neill’s “possible mere maxims” and “mere maxims” by pointing to principles that an agent recognises as applicable and yet fails to act on.

ция практических основоположений на основании одновременно и значимости, и реальности ошибочна. Это означает, что только одно из этих двух свойств, а именно — значимость или реальность, может быть отличительной чертой, на основании которой должна строиться стабильная классификация практических основоположений.

3.2. Основанная на значимости классификация Бека

В отличие от О'Нил, Льюис Бек считает, что классификация практических основоположений Канта основывается только на значимости. Бек начинает с признания разделения Кантом практических основоположений на максимы и законы на основании их значимости. Он пишет, что все практические основоположения являются либо максимами, либо законами, зависящими от «того, является ли условие значимым только для индивидуума или для каждого разумного существа». Но по мере рассуждения он добавляет «законы, которые также являются максимами», в качестве другого типа практических основоположений классификации и делает ее трихотомией (Beck, 1960, p. 80–82). Его трехчастное разделение практических основоположений выглядит следующим образом:

1. «Только лишь максимы»: эти практические основоположения действительны только для отдельных людей (субъективная значимость).
2. «Законы»: эти практические основоположения действительны для всех рациональных агентов (объективная значимость).
3. «Законы, которые также являются максимами»: эти практические основоположения действительны для всех чисто рациональных агентов и поэтому действительны для отдельных людей (субъективная значимость)¹².

Поскольку Бек выстраивает классификацию на основании одной только значимости, составляющие ее типы практических основоположений являются в совокупности исчерпывающими и взаимо-

¹² Бек (Beck, 1960, p. 82) вводит «законы, которые также являются максимами» как такие, которые представляют собой условие, «присутствующее и действующее во всех [чисто] разумных существах как таковых и, следовательно, значимое для и применимое к» отдельному человеку. Хотя этот тип, кажется, соответствует ссылкам Канта на законы, служащие максимами, думать о таких практических основоположениях, которые объективно реальны и субъективно значимы, абсурдно. Это связано с тем, что объективная реальность практических принципов означает, что они уже эффективны в том, что они обязательно приведут в действие совершенную волю всех чисто рациональных агентов. Это явно означает, что они неприменимы к субъективной и случайной воле отдельных людей, обладающих чувственной природой.

classification of practical principles is to be done.

3.2. Beck's Classification on the Basis of Validity

Unlike O'Neill, Lewis Beck reads Kant's classification of practical principles as resting on the basis of validity alone. Beck begins by acknowledging Kant's classification of practical principles into maxims and laws on the basis of validity. He writes that all the practical principles are either maxims or laws depending on "whether the *condition* is valid for the individual only, or for every rational being." But, as his discussion proceeds, he adds "laws which are also maxims" as another type of practical principles to the classification and makes it a trichotomy (Beck, 1960, pp. 80-82). His tripartite division of practical principles consists of the following:

- i. "Mere maxims": These practical principles are valid for individual human agents alone (subjective validity).
- ii. "Laws": These practical principles are valid for all the rational agents (objective validity).
- iii. "Laws which are also maxims": These practical principles are real for all purely rational agents and so are valid for individual human agents (subjective validity).¹²

Since Beck has made the classification on the basis of validity alone, the types of practical principles that fall under it are collectively exhaustive and mutually exclusive. Let us take the peculiar case of "laws that are also maxims" to examine this. Although "laws that are also maxims" and "mere max-

¹² Beck (1960, p. 82) introduces "laws which are also maxims" as that which represent a condition as "present and effective in all [purely] rational beings as such and therefore as valid for and applicable to" an individual human agent. Although this type seems to correspond to Kant's references to laws serving as maxims, to think of this type of practical principles which are objectively real and subjectively valid is absurd. This is because objective reality of practical principles means that they are already effective in necessarily moving the perfect will of all purely rational agents to action. This clearly means that they are not applicable for the subjective and contingent will of individual human agents with a sensible nature.

исключающими. Возьмем особый случай «законов, которые также являются максимами» и рассмотрим его более внимательно. Хотя «законы, которые также являются максимами» и «только лишь максимы» субъективно значимы, практические основоположения, подпадающие под первый тип, никогда не подпадают под второй, поскольку «законы, которые также являются максимами» уже эффективны для чисто разумных существ, в то время как «только лишь максимы» — нет. Точно так же «законы, которые также являются максимами» строго отличны от «законов», поскольку практические основоположения, относящиеся к первому типу, обладают субъективной значимостью, в то время как принадлежащие к последнему типу обладают значимостью объективной.

У Бека есть веская причина принять значимость в качестве фундаментального основания классификации практических основоположений. Несомненно, значимость является необходимым признаком всех практических основоположений, поскольку для того, чтобы принцип стал практическим основоположением, разумное существо должно считать его имеющим отношение к воле одного или нескольких действующих лиц. Другими словами, принцип не является практическим основоположением, если он не значим, то есть если согласно ему никто не может действовать. Например, катящийся по наклонной плоскости шар не воспринимает принцип инерции как значимый для его действия — просто управляется им. Напротив, разумное существо понимает принцип, что «лгать неправильно», и считает его актуальным для себя (и других), чтобы действовать в соответствии с ним. Это показывает, что значимость практических основоположений крайне важна для того, чтобы разумные действия стали возможными (AA 04, p. 412; Кант, 1997б, с. 115–119). Вот почему мы видим, что некоторые исследователи стремятся использовать значимость как фундаментальное основание классификации практических основоположений.

4. Реальность как фундаментальная основа классификации практических основоположений

Я уверен, что предложенное Беком прочтение кантовской классификации также неверно, поскольку принятие значимости как фундаментального основания классификации практических основоположений несовместимо с тем, что на самом деле думал Кант. Я утверждаю, что вместо значимости уместнее рассматривать в качестве основания

“ims” are subjectively valid, the practical principles that fall under the former type can never fall under the latter type because “laws that are also maxims” are already effective in purely rational agents, while “mere maxims” are not. Similarly, “laws that are also maxims” are exclusively different from “laws” because practical principles belonging to the former type have subjective validity, while the ones belonging to the latter type have objective validity.

There is a good reason why Beck takes the feature of validity as the fundamental basis of classifying practical principles. Undoubtedly, validity is a necessary feature of practical principles. This is because, for a principle to be a practical principle, it should be conceived of by a rational agent as having relevance for the will of one or more agents. In other words, a principle is not a practical principle, if it is not valid as one possibly to be acted on by one or more agents. A rolling ball on a slope, for instance, does not conceive of the principle of inertia as relevant for it to act on. It is simply governed by it. In contrast, a rational agent conceives of a principle, “it is wrong to lie” and finds it relevant for her (and others) to act on. This shows that the validity of practical principles is essential for rational agency to be possible (GMS, AA 04, p. 412; Kant, 1996b, p. 66). This is why, we see some scholars tending towards taking validity as the fundamental basis of classifying practical principles.

4. Reality as the Fundamental Basis of Classification of Practical Principles

I believe that the reading of Kant’s classification of practical principles suggested by Beck is a mistaken one, too. That is, considering the feature of validity as the fundamental basis of the classification of practical principles is incompatible with what Kant actually thought. I argue that instead of validity it is more fitting to consider the feature of reality as the basis (*fundamentum divisionis*) of classifying practical principles. This is because, as we will see below, although validity is a necessary feature of practical principles, Kant thought of reality as both a necessary and a sufficient feature of prac-

(*fundamentum divisionis*) классификации практических основоположений их реальность, поскольку, как мы увидим ниже, хотя значимость и является необходимым признаком практических основоположений, Кант считал именно реальность необходимым и достаточным признаком практических основоположений.

4.1. Реальность как определяющая черта практических основоположений

Давайте обратимся к одному известному фрагменту «Критики практического разума». Кант определяет практические основоположения и классифицирует их следующим образом:

Практические основоположения суть положения, содержащие в себе общее определение воли, которому подчинено много практических правил. Они бывают субъективными, или максимами, если условие рассматривается субъектом как значимое только для его воли; но они будут объективными, или практическими, законами, если они признаются объективными, то есть значимыми для воли каждого разумного существа (AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321).

Немецкий термин, используемый Кантом для обозначения практических основоположений в этом фрагменте, *praktische Grundsätze*. Слово *Grundsätze*, которое переводят как «основоположения», буквально означает «обоснование положений» (*der Grund* = основание; *die Sätze* = положения) (Paton, 1947, p. 59)¹³. *Praktische Grundsätze* тогда буквально означают «обоснование практических положений». В другом месте Кант определяет практические положения как представление реальности поступка с точки зрения его воздействия на мир (AA 09, S. 110; AA 20, S. 198–199). Это означает, что практическими основоположениями являются *Grundsätze*, которые представляют и обосновывают поступки. Двигаясь дальше, в приведенном выше определении Кант пишет, что практические основоположения, по сути, определяют

¹³ В своих работах Кант также использует термин «*das praktische Prinzip*», переводимый как «практический принцип». Например, в «Основоположении», в первой сноске, касающейся максим и законов, Кант использует «*das praktische Prinzip*», а не «*der praktische Grundsatz*» (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.). Кант часто использует эти термины как взаимозаменяемые и в «Основоположении», и во второй «Критике». Бек (Beck, 1960, p. 78, п. 6) замечает это и критикует Канта за «использование неточных технических терминов». Однако в «Логике Йеше» Кант заявляет, что *Grundsätze* суть то же, что и *Prinzipien* (AA 09, S. 110). Как мы можем увидеть, Кант не считал эти термины очень различными.

tical principles.

4.1. Reality as the Defining Feature of Practical Principles

Let us consider Kant's well-known opening lines in the main body of his *Critique of Practical Reason*. He defines practical principle and classifies it as follows:

Practical principles are propositions that contain a general determination of the will, having under it several practical rules. They are subjective, or maxims, when the condition is regarded by the subject as holding only for his will; but they are objective, or practical laws, when the condition is cognized as objective, that is, as holding for the will of every rational being (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153).

In this passage, he uses the German term “*praktische Grundsätze*” to refer to practical principles. The term “*Grundsätze*”, which refers to “principles”, literally means “grounding propositions” (*der Grund* = ground; *die Sätze* = propositions) (Paton, 1947, p. 59).¹³ “*Praktische Grundsätze*” then literally mean “grounding practical propositions”. Elsewhere, Kant defines practical propositions as representing the reality of an action in terms of its effect in the world (*Log*, AA 09, p. 110; Kant, 1992, p. 606; *EEKU*, AA 20, pp. 198-199; Kant, 2000, p. 06). This means that practical principles are *Grundsätze* which represent and ground actions. Moving further, in the definition above Kant writes that practical principles essentially determine the will of the agents using rules under

¹³ Kant also uses the term “*das praktische Prinzip*” for what is translated as “the practical principle” in his works. For instance, in the first footnote on maxims and laws in his *Groundwork*, Kant uses “*das praktische Prinzip*” and not “*der praktische Grundsatz*” to refer to “the practical principle” (*GMS*, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n). There are many such instances of Kant using the two terms interchangeably in his *Groundwork* and *Critique of Practical Reason*. Beck (1960, p. 78n6) notes this and criticises Kant for “being technical without being precise”. However, in *Jäsche Logic*, Kant claims that *Grundsätze* are indeed *Prinzipien* (*Log*, AA 09, p. 110; Kant, 1992, p. 606). This shows that Kant did not think of the two terms as very different.

волю действующих лиц, используя правила. Для него «воля» — это способность, тесно связанная с совершением поступков¹⁴. Это означает, что «определение (*Bestimmung*) воли» относится к движению воли к совершению действий (Beck, 1960, p. 78)¹⁵. Коротко говоря, определение воли действующего лица является предвестником реальности поступков. Это показывает, что определение воли и возможность совершения добровольных поступков являются определяющими чертами практических основоположений. Эта существенная особенность есть то же самое, что и реальность, которую мы обсуждали ранее в отношении максим и законов. Таким образом, сущность практических основоположений заключается в том, что они *действительно* позволяют совершать поступки.

После приведенного выше определения практических основоположений Кант добавляет еще две строки о законах и максимах, которые нельзя читать в отрыве от определения практических основоположений. Бек становится жертвой именно такого, ошибочного, способа интерпретации. Проводимая Бекем классификация практических основоположений на основании того, является ли их условие «значимым только для отдельного человека или для каждого разумного существа» (курсив мой. — В. Р.) (Beck, 1960, p. 80), есть результат чтения этих двух строк без внимания к определению практических основоположений. Напротив, правильное прочтение, учитывающее определение практических основоположений, выглядит следующим образом: практические основоположения — это суждения, существенно определяющие совершение поступков путем определения воли действующих лиц. Максимы и законы — два типа практических основоположений. Условия максимы выполняются

¹⁴ В «Основоположении» Кант определяет волю как способность, позволяющую разумным существам действовать по принципам (AA 04, S. 412; Кант, 1997б, с. 117). Кроме того, в третьей «Критике» Кант называет волю способностью желания (AA 05, S. 172; Кант, 2001, с. 81), которую он считает связанной с совершением поступков (AA 25, S. 577; AA 25, S. 1335).

¹⁵ *Общее* определение воли относится к мотивации действующих лиц для совершения определенных поступков *вообще*. Это означает, что практические основоположения представляют и обосновывают не конкретные поступки как таковые, а другие практические предложения, служащие правилами, которые представляют и обосновывают эти конкретные поступки. Другими словами, практические основоположения служат основанием для поступков опосредованно через другие практические предложения, служащие правилами (Paton, 1947, p. 59). Например, «Не нарушайте правила дорожного движения» — это практический принцип, который содержит практическое предложение «Не превышайте скорость», побуждающее действующее лицо двигаться с оптимальной скоростью, чтобы уменьшить вероятность дорожно-транспортных происшествий.

them. For him, “will” is a faculty closely connected with the performance of actions.¹⁴ This means that “determination (*Bestimmung*) of the will” refers to moving an agent’s will towards performing actions (Beck, 1960, p. 78).¹⁵ In short, determination of an agent’s will is a precursor to the reality of her actions. This shows that determining the will and enabling the performance of voluntary actions is the defining feature of practical principles. This essential feature is no different from the feature of reality that we discussed earlier with respect to maxims and laws. Thus, their reality in *actually* enabling agents to perform actions is the essence of practical principles.

In the passage above, Kant follows his definition of practical principles with two lines on maxims and laws. These lines should not be read independently of Kant’s definition of practical principles above them. Beck’s reading falls prey to such a misinterpretation. Beck’s classification of practical principles on the basis of whether their condition “is *valid* for the individual only, or for every rational being [my *italics* — V. R.]” (Beck, 1960, p. 80) is a result of reading the two lines without taking Kant’s definition of practical principles into account. Instead, the correct reading of the two lines on maxims and laws in the light of the definition of practical principles goes as follows: Practical principles are propositions that essentially found the performance of actions by determining the will of the agents. Maxims and laws are

¹⁴ In his *Groundwork*, Kant defines volition or will as a conative faculty that enables rational agents to act in accordance with principles (GMS, AA 04, p. 412; Kant, 1996b, p. 66). Also, in his *Critique of the Power of Judgement*, Kant calls volition or will a faculty of desire (KU, AA 05, p. 172; Kant, 2000, p. 59), a faculty he believes to be closely associated with the performance of actions (*V-Anth/Fried*, AA 25, p. 577; Kant, 2012, p. 131; *V-Anth/Mron*, AA 25, p. 1335; Kant, 2012, p. 440).

¹⁵ A *general* determination of the will refers to moving agents to perform certain actions *in general*. This means that practical principles represent and ground, not specific actions directly, but other practical propositions as rules that represent and ground these specific actions. In other words, practical principles serve as a foundation for actions mediately through other practical propositions which serve as their rules (Paton, 1947, p. 59). For example, “Do not break traffic rules” is a practical principle that contains under it a practical proposition, “Do not exceed the speed limit” that moves an agent’s will to drive at an optimum speed to reduce the possibility of road accidents.

только отдельными людьми, когда она определяет их волю как субъективный практический принцип. Условие закона выполняется только всеми (чисто) разумными существами, когда он определяет их волю как объективный практический принцип. Это показывает, что Кант делит практические основоположения на максимы и законы, основываясь на их эффективности в позволении агентам совершать поступки (то есть на реальности), а не на их значимости в качестве практических основоположений (то есть на значимости). Таким образом, максимы являются субъективными основоположениями поступка прежде всего потому, что определяют волю отдельных людей, а законы являются объективными основоположениями поступка прежде всего потому, что определяют волю всех чисто разумных существ. Иначе говоря, Кант связывает практические основоположения с их способностью подвигать действующее лицо совершать поступки.

4.2. Реальность как достаточное свойство практических основоположений

Обсуждая интерпретацию Бекком классификации практических основоположений в предыдущем разделе, мы видели, что значимость необходима для того, чтобы принцип превратился в практический принцип. Следовательно, если принцип не рассматривается разумным существом как применимый для совершения поступков, он не может быть практическим. Точно так же в кратком анализе кантовского определения практических основоположений мы поняли, что реальность тоже представляет собой существенное свойство практических основоположений. Значит, если принцип в действительности не определяет волю, он не может быть практическим. Таким образом, и действительность, и реальность являются необходимыми чертами практических основоположений. Теперь я утверждаю, что, хотя значимость и является необходимым свойством практических основоположений, именно реальность будет тем достаточным и необходимым свойством для того, чтобы принцип был практическим. Есть две причины придерживаться этого мнения:

1. Реальность практических основоположений влечет за собой их значимость, поскольку сфера применимости практического основоположения логически связана с его практической эффективностью. Если максима подвигает отдельного человека к тому, чтобы совершить поступок, то это означает, что она была изначально субъективно значима как потенциальная максима. Аналогично, если закон побуждает всех чисто рациональных существ

two types of practical principles. The condition of maxims holds only for individual agents *when they determine their will as subjective practical principles*. The condition of laws holds only for all (purely) rational agents *when they determine their will as objective practical principles*. This shows that Kant divides practical principles into maxims and laws based on their effectiveness in enabling agents to perform actions (i.e. reality) and not on the scope of their relevance as practical principles (i.e. validity). That is, maxims are subjective principles of action primarily because they determine the will of individual agents and laws are objective principles of action primarily because they determine the will of all purely rational agents. In short, Kant essentially ties up practical principles with their capacity to move agents to perform actions.

4.2. Reality as a Sufficient Feature of Practical Principles

When discussing Beck's reading of the classification in the previous section, we saw that validity is necessary for a principle to be a practical principle. That is, unless a principle is conceived of by a rational agent as applicable to one or more agents for performing actions, it cannot be a practical principle. Similarly, with the brief analysis of Kant's definition of practical principles above, we have understood that reality too is an essential feature of practical principles. That is, unless a principle actually determines the will of one or more agents, it cannot be a practical principle. Thus, both validity and reality are necessary features of practical principles. Now, I argue that although validity is a necessary feature of a practical principle, it is the feature of reality that is both *necessary and sufficient* for a principle to be a practical principle. There are two reasons for holding this view:

- i. Reality of practical principles entails their validity. That is, the scope of a practical principle in terms of its applicability is logically entailed in its effectiveness in practice. If a maxim moves an individual human agent to perform actions, it means that it was subjectively valid as a potential maxim for her in the first place. Similarly, if

совершать поступки, это означает, что он был объективно значимым как потенциальный закон для них в первую очередь. Таким образом, если практический принцип действительно определил волю, то он мог сделать это изначально.

2. Значимость практических основоположений не гарантирует их реальности. Даже если принцип рассматривается как применимый для действующего лица для принятия и действия согласно ему, он может быть неприменимым на практике. Поскольку применение на практике является существенным свойством практического основоположения, *возможный* практический принцип *действительно* становится таковым, только если он определяет волю к поступку. Например, даже если действующее лицо считает потенциальную максимум значимой для своей воли, он может как принять ее и применить на практике, так и не принять и не применить. Тот факт, что принцип считается значимым для того, чтобы на его основании было возможно действовать, не гарантирует, что он подвигнет совершать поступки.

Взятые вместе, эти два момента приводят нас к пониманию, что для того, чтобы принцип можно было квалифицировать как практическое основоположение, хотя ему и необходимо обладать определенной областью значимости, одного этого недостаточно. Именно его свойство определять волю к поступку по-настоящему делает его практическим основоположением. Таким образом, реальность является как необходимым, так и достаточным свойством практических основоположений.

Если реальность является достаточным свойством практических основоположений, то устойчивая классификация практических основоположений должна строиться именно на этом основании.

5. Классификация практических основоположений на основании реальности

В первом разделе я утверждал, что максимы и законы — это два разных типа практических основоположений, основанных на критериях значимости и реальности. Во втором разделе я начал с замечания, что кантовское различие максим и законов как двух типов практических основоположений не означает, что они являются исчерпывающими единственно существующими типами практических основоположений. В предыдущем разделе я утверждал, что, хотя значимость и реальность являются необходимыми свойствами практических основоположений, их реальность, то есть их эффек-

a law moves all purely rational agents to perform actions, it means that it was objectively valid as a potential law for them in the first place. Thus, if a practical principle actually determines the will of agents, it means that it was possible for it to do so in the first place.

ii. Validity of practical principles does not guarantee their reality. That is, even if a principle is conceived of as applicable for agents to adopt and act on, it may not be put to practice. Since its application in practice is the essential feature of a practical principle, a *possible* practical principle *actually* becomes one only if it determines the will to action. For instance, even if an agent conceives of a potential maxim as holding valid for her will, she may or may not adopt it and put it into practice. Thus, the fact that a principle is conceived of as relevant for agents possibly to act on does not ensure that it will move them to perform actions.

Taken together, these two points lead us to an understanding that for a principle to qualify as a practical principle, although it is necessary for it to have a scope of relevance for agents, this feature is not sufficient. It is its feature of determining the will of agents to action that adequately makes it a practical principle. Thus, reality is both a necessary and a sufficient feature of practical principles.

If reality is the sufficient feature of practical principles, then a stable classification of them must occur on its basis.

5. Classification of Practical Principles on the Basis of Reality

In the first section I argued that maxims and laws are two distinct types of practical principles on the bases of the criteria of validity and reality. In the second section I began by noting that Kant's distinction of maxims and laws as two types of practical principles does not mean that they are exhaustively the only types of practical principles. In the previous section I argued that although validity and reality are necessary features of practical principles, their reality, i.e. their effectiveness in determining the will of the agents, is their sufficient feature. If this is so, the right classification of practical princi-

тивность в определении воли, есть также и достаточное свойство. Если это так, правильная классификация практических основоположений должна основываться на их реальности. Такая классификация практических основоположений будет исчерпывающей только в том случае, если она будет учитывать все возможные способы, которые придадут им значимость и реальность. Другими словами, совокупно исчерпывающая классификация практических основоположений может состояться только тогда, когда тщательно изучены степень их применимости и эффективности. В дальнейшем я покажу, что на основании реальности практические основоположения можно разделить на три типа, каждый из которых показывает различные комбинации проявления их значимости и реальности как основоположений поступка. Трихотомия практических основоположений выглядит следующим образом¹⁶:

1. «Максимы, которые не являются потенциальными законами», или просто «максимы».

«Максимы, которые не являются потенциальными законами» — это практические основоположения, которые субъективно реальны и субъективно значимы. Иначе говоря, практические основоположения, принадлежащие к этому типу, значимы и эффективны при определении воли отдельных людей. Это множество практических основоположений ничем не отличается от кантовского понятия «максимы», рассмотренного в первом разделе. Поскольку они не являются потенциальными законами (то есть не имеют объективной значимости), эти практические основоположения не могут пройти кантовский тест на универсализируемость. Следовательно, совершенные на основании этих максим действия не имеют моральной ценности. Иными словами, «максимы, которые не являются потенциальными законами» не могут удовлетворить категорический императив Канта, который требует, чтобы практические основоположения, лежащие в основе действий, могли также быть всеобщими законами. Следовательно, с моральной точки зрения

¹⁶ Эти практические основоположения названы с использованием терминов «максимы» и «законы», потому что Кант рассуждает только о максимах и законах как двух типах практических основоположений. Тем не менее он говорит, что категорический императив требует действий согласно определенным максимам, которые в то же время могут быть законами (AA 04, S. 402, 421; Кант, 1997б, с. 83–85, 143–145), и считает, что некоторые законы субъективно служат в качестве максим (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.). Следовательно, можно усмотреть здесь намек Канта на третий тип практических основоположений, в котором используются «максимы» и «законы», но не уточняется, какие именно особенности максим и какие особенности законов объединяются.

ples should be based on their feature of reality. Such a classification of practical principles will be exhaustive only if it takes into account all the possible ways in which they can be valid and real to agents. In other words, a collectively exhaustive classification of practical principles can happen only when the extent to which they are applicable and effective are thoroughly explored. In what follows I show that, on the basis of the feature of reality, practical principles can be classified into three types each showing different ways in which they are valid and real for agents as principles of action. The trichotomy of practical principles is as follows¹⁶:

i. “Maxims that are not potential laws” or just “maxims”

“Maxims that are not potential laws” are practical principles which are subjectively real and subjectively valid. In other words, practical principles belonging to this type are relevant and effective in determining the will of individual human agents. That is to say, this set of practical principles is no different from Kant’s notion of “maxims” that we saw in the first section. Since they are not potential laws (i.e. lack objective validity), these practical principles cannot pass Kant’s universalisability test. Hence, actions that follow them are sure to lack moral worth. Put it in another way, “maxims that are not potential laws” are not eligible to satisfy Kant’s categorical imperative that demands practical principles underlying actions also to be willed as laws. Hence, from a moral standpoint, one ought not to adopt “maxims that are not potential laws” to perform actions.¹⁷

¹⁶ These practical principles are named using the terms “maxims” and “laws” because Kant discusses only maxims and laws as two types of practical principles. Yet, he identifies the categorical imperative as demanding actions on certain maxims which are at the same time willed as laws (GMS, AA 04, p. 402, 421; Kant, 1996b, p. 57, 73) and understands certain laws to subjectively serve as maxims (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n). Hence, one can take him to hint at a third type of practical principles using “maxims” and “laws” without specifying which feature of maxims and which feature of laws are brought together.

¹⁷ The condition of “maxims that are not potential laws” requires individual human agents to perform actions that are good for the sake something (i.e. conditionally good). Given our essential sensible nature, they specifically aim for happiness which arises on the condition that our impulses, instincts and inclinations are satisfied. Hence, “maxims that are not potential laws” can also be called “maxims of self-love” (*KpV*,

не следует принимать «максимы, которые не являются потенциальными законами», для совершения поступков¹⁷.

2. «Максимумы, которые являются потенциальными законами».

«Максимумы, которые являются потенциальными законами» — это практические основоположения, которые субъективно реальны и объективно значимы. Другими словами, практические основоположения, принадлежащие к этому типу, обязательно значимы для всех разумных существ, но эффективны только при детерминировании воли отдельных людей. Как и для «законов», необходимая приложимость «максимумов, которые являются потенциальными законами» ко всем разумным существам включает как чисто разумных существ, так и человека. Однако, в отличие от «законов», эти практические основоположения не принимаются для совершения действий чисто разумными существами, а принимаются только отдельными людьми. Другими словами, «максимумы, которые являются потенциальными законами» обязательно относятся ко всем людям и подвигают волю отдельных людей к совершению поступков.

Здесь нужно заметить, каким образом они объективно значимы и субъективно эффективны. Ранее, в первом разделе, я утверждал, что значимость «законов» для всех людей с «долженствованием» не означает, что они субъективно значимы для отдельных людей в силу нашей неотъемлемой чувственной природы. То есть если «законы» считаются субъективно значимыми, то это опровергает либо субъективную и случайную природу людей, либо необходимую и универсальную природу «законов». Однако это не означает, что отдельные люди никогда не могут действовать на основании объективно значимых практических основоположений. Это означало бы, что мы детерминированы действовать только исходя из субъективно значимых «максимумов, которые не являются потенциальными законами» ради удовлетворения нашей чувственной природы. Утверждать, что наша воля никогда не может быть определена объективно значимыми практическими основоположениями разума, равносильно утверждению

¹⁷ Условие «максимумов, которые не являются потенциальными законами» требует, чтобы отдельные люди совершали поступки, хорошие для чего-то (то есть условно хорошие). Учитывая нашу чувственную природу, они намеренно направляют нас к счастью, которое возникает при условии, что наши импульсы, инстинкты и склонности удовлетворены. Следовательно, «максимумы, которые не являются потенциальными законами» также можно назвать «максимумами любви к себе» (AA 05, S. 36; Кант, 1997а, с. 361 — 363).

ii. “Maxims that are potential laws”

“Maxims that are potential laws” are practical principles which are subjectively real and objectively valid. In other words, practical principles belonging to this type are necessarily relevant to all rational agents, but are effective only in determining the will of individual human agents. Like the “laws”, the necessary applicability of “maxims that are potential laws” to all rational agents includes both purely rational agents and human agents. However, unlike the “laws”, these practical principles are not adopted by purely rational agents, but only by individual human agents for performing actions. In other words, “maxims that are potential laws” are necessarily relevant to all human agents and move the will of individual human agents towards performing actions.

An additional note on how they are objectively relevant and subjectively effective is required here. Earlier, in the first section, I argued that validity of “laws” for all human agents with an “ought” does not mean that they are relevant subjectively for individual human agents by virtue of our essential sensible nature. That is, if “laws” are considered subjectively valid, that would refute either the subjective and contingent nature of human agents or the necessary and universal nature of “laws”. However, this does not mean that individual human agents can never act on objectively valid practical principles. To say that would mean we are determined to act only on subjectively valid “maxims that are not potential laws” in order to satisfy the needs of our sensible nature. In other words, to claim that our will can never be determined by objectively valid practical principles of reason is the same as arguing that human agents lack an autonomous will (GMS, AA 04, p. 440; Kant, 1996b, p. 89). Hence, despite our essential sensible nature, individual human agents can choose to act on “maxims that are potential laws” conceived of by their reason as relevant for them universally and necessarily. Such a stance restores Kant’s formula of “ought implies can”. That is, “maxims that are potential laws” are applicable to all human agents with an “ought” and apply to individual human agents with a “can”. Moreover, I believe that

AA 05, p. 36; Kant, 1996a, p. 169).

дению, что люди не обладают автономной волей (AA 04, S. 440; Кант, 1997б, с. 203–205). Следовательно, несмотря на нашу неотъемлемую чувственную природу, отдельный человек может *делать выбор* в пользу поступков согласно «максимам, которые являются потенциальными законами», которые (то есть указанные максимы. — *Примеч. пер.*) его разум считает значимыми для него универсальным и необходимым образом. Такая позиция восстанавливает формулу Канта «должен, значит можешь», то есть «максимы, которые являются потенциальными законами», применимы ко всем людям как «должные» и применяются к отдельному человеку как «возможные». Более того, я считаю, что неоднократные ссылки Канта на условие «всеобщей значимости максимы как закона» (AA 04, S. 438, 449, 458, 461–462; Кант, 1997б, с. 197–199, 229–231, 257–261, 265–271; AA 05, S. 45; Кант, 1997а, с. 383–387) и на законы, которые «служат субъективно» в качестве максим (то есть законы, которые являются «максимами *quoad subjectum*») (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.; AA 27, S. 495; A 812 / B 840; Кант, 2006, с. 1019–1021), относятся к «максимам, которые являются потенциальными законами», принимаемыми отдельными людьми¹⁸. Еще один момент, который следует отметить, состоит в том, что даже если *каждый* отдельный человек будет совершать поступки, руководствуясь «максимами, которые являются потенциальными законами», эти максимы все равно не станут объективно реальными, поскольку в таком случае, будучи субъективно реальными практическими основоположениями, они определяют волю всех людей случайно и индивидуально. То есть, во-первых, даже если все люди движимы «максимами, которые являются потенциальными законами», они никогда не смогут быть движимыми ими *с необходимостью*. Иными словами, из-за своей естественной подверженности влиянию чувственной природы (AA 05, S. 74; Кант, 1997а, с. 471–473) люди могут прекратить действовать на основании этих практических основоположений в любой момент времени. Во-вторых, когда «максимы, которые являются потенциальными законами», эффективны для всех людей, они обладают только эмпирической или сравнительной

¹⁸ Кант ссылается на людей, когда пишет, что законы субъективно служат максимами «всем разумным существам», если разум имеет «полную власть над способностью желания» (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.). Наша несовершенная воля не полностью контролируется разумом, поскольку она также всегда частично зависит от потребностей нашей чувственной природы. Тем не менее если разум отдельных людей полностью контролирует их желания, то объективные законы субъективно служат «максимами, которые являются потенциальными законами».

Kant's repeated references to the condition of "universal validity of a maxim as a law" (GMS, AA 04, p. 438, 449, 458, 461-462; Kant, 1996b, p. 87, 97, 104, 107; KpV, AA 05, p. 45; Kant, 1996a, p. 176) and to laws that "serve subjectively" as maxims (i.e. a law that is a "maxim *quoad subjectum*") (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n; V-MS/Vigil, AA 27, p. 495; Kant, 1997, p. 263; KrV, A 812 / B 840; Kant, 1998, p. 681) pertain to "maxims that are potential laws" which are adopted by individual human agents.¹⁸ Another point to be noted is, even if *all* individual human agents are moved to perform actions on "maxims that are potential laws", they are still not objectively real. This is because, in such a case, as subjectively real practical principles, they determine the will of all human agents contingently and individually. That is, firstly, even if all human agents are moved by "maxims that are potential laws", they can never be *necessarily* moved by them. In other words, due to their natural tendency to be influenced by their sensible nature (KpV, AA 05, p. 74; Kant, 1996a, p. 200), individual human agents can stop acting on these practical principles at any point in time. Secondly, when "maxims that are potential laws" are effective in all the human agents, they only have empirical or comparative universality (and not strict universality). This means that, in such a case, their universal application can only be inductively inferred from their extensive application to all human agents individually. Thus, "maxims that are potential laws" can never be objectively real "laws" even if all human agents adopt them as principles of action.

Given that they have objective validity and subjective reality, "maxims that are potential laws" pass Kant's universalisability test, and so actions that follow from them have moral worth. This means that Kant's categorical imperative demands individual human agents to adopt "maxims that are

¹⁸ Kant refers to human agents when he writes that laws serve subjectively as maxims "for all the rational beings if reason had complete control over the faculty of desire" (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n). Our imperfect will is not fully under the control of reason because it is also always partially influenced by the needs of our sensible nature. Yet, *if* the reason of individual human agents fully controls their desires, then objective laws serve subjectively as "maxims that are potential laws".

универсальностью (но не универсальностью в строгом смысле). Это значит, что в подобном случае их универсальное применение может быть выведено только индуктивно из их применения к каждому отдельному человеку. Таким образом, «максимы, которые являются потенциальными законами» никогда не могут быть объективно реальными «законами», даже если все люди принимают их как основания своих поступков.

Учитывая, что они имеют объективную значимость и субъективную реальность, «максимы, которые являются потенциальными законами» проходят кантовский тест на универсализируемость, и поэтому основанные на них действия имеют моральную ценность. Это означает, что категорический императив Канта требует, чтобы отдельные люди принимали «максимы, которые являются потенциальными законами» в качестве практических основоположений для совершения моральных действий. То есть требование категорического императива действовать согласно максимам, которые могут быть законами, — требование действовать согласно «максимам, которые являются потенциальными законами» (AA 04, S. 402, 421; Кант, 1997б, с. 85–87, 143–145)¹⁹. Это также указывает на мысль о том, что единственный способ объединить всех людей с другими разумными существами под властью общих законов — совершать поступки, основанные на «максимах, которые также являются законами». То есть, чтобы объединить все разумные существа в царство общих законов, все отдельные люди должны принять «максимы, которые являются потенциальными законами» (AA 04, S. 433–434; Кант, 1997б, с. 181–187). Таким образом, кантовское царство целей возможно только тогда, когда каждый отдельный человек действует согласно «максимам, которые являются потенциальными законами».

3. «Законы, которые не являются максимами», или просто «законь».

«Законы, которые не являются максимами» — это практические основоположения, которые объективно реальны и объективно значимы. То есть эти практические основоположения необходимо эффективны только для чисто разумных существ, хотя они и значимы для всех разумных существ. Таким образом, это множество практических основоположений ничем не отличается от кантовского понятия «законь», рассмотренного в первом разделе.

¹⁹ «Максимы, которые являются потенциальными законами» позволяют отдельным людям совершать моральные поступки (то есть безусловно хорошие). По этой причине «максимы, которые являются потенциальными законами» также можно назвать «моральными максимами».

potential laws” as practical principles to perform moral actions. That is, the demand of the categorical imperative to act on maxims that are willed as laws is the demand to act on “maxims that are potential laws” (GMS, AA 04, p. 402, 421; Kant, 1996b, p. 57, 73).¹⁹ This also points us to the idea that the only way to bring all human agents together with other rational agents under common laws is by performing actions on “maxims that are also laws”. That is, to unite every rational being as belonging to a kingdom with common laws, all the individual human agents must adopt “maxims that are potential laws” (GMS, AA 04, p. 433–434; Kant, 1996b, p. 83). Thus, Kant’s kingdom of ends is possible only when all the individual human agents act on “maxims that are potential laws”.

iii. “Laws that are not maxims” or just “laws”

“Laws that are not maxims” are practical principles which are both objectively real and objectively valid. That is, these practical principles are necessarily effective only in all purely rational agents, although they are relevant to all rational agents. That is to say, this set of practical principles is no different from Kant’s notion of “laws” as we saw in the first section. The strictly universal and necessary character of “laws that are not maxims” gives them an unconditional moral worth. Hence, the will of purely rational agents that is always determined by these practical principles is a perfectly good will.

Since this trichotomy was a product of classifying practical principles on their necessary and sufficient feature of reality, the three divisions are collectively exhaustive and mutually exclusive types. For instance, a practical principle that determines an agent’s will to increase his wealth by any safe means, even if it requires stealing, falls only under “maxims that are not potential laws” (*KpV*, AA 05, p. 27; Kant, 1996a, p. 161). This is because, firstly, this practical principle is relevant for and moves the will of individual human agents whose idea of the good life revolves around their conception of happiness alone, even if the means for it is not morally worthy (subjective validity and sub-

¹⁹ “Maxims that are potential laws” enable individual human agents to perform moral duties (i.e. unconditionally good). For this reason, “maxims that are potential laws” can also be called “moral maxims”.

Строго универсальный и необходимый характер «законов, которые не являются максимами» придает им безусловную моральную ценность. Следовательно, воля чисто разумных существ, которая всегда определяется этими практическими основоположениями, является совершенно доброй волей.

Поскольку эта трихотомия была продуктом классификации практических основоположений на основании их достаточного и необходимого признака, то есть реальности, эти три типа являются совокупно исчерпывающими и взаимоисключающими. Например, практическое основоположение, которое определяет желание разумного существа увеличить свое богатство любым безопасным способом, даже если это требует кражи, подпадает только под «максимы, которые не являются потенциальными законами» (AA 05, S. 27; Кант, 1997а, с. 339–341). Это связано с тем, что, во-первых, это практическое основоположение значимо для воли и движет волей только отдельных людей, чье понимание хорошей жизни строится вокруг одного лишь понятия счастья, даже если средства для его достижения не обладают моральным достоинством (субъективная значимость и субъективная реальность). Во-вторых, это практическое основоположение неприменимо ко всем разумным существам (то есть не является объективно значимым), поскольку универсализация этого основоположения сделает невозможным понятие частной собственности, что повлечет за собой логическое противоречие. Таким образом, практическое основоположение, позволяющее воровать, не может не быть «максимой, которая не является потенциальным законом». Точно так же практическое основоположение, *предписывающее* не лгать, может быть только «максимой, которая является потенциальным законом». Это связано с тем, что, во-первых, он универсально значим для всех людей в силу их разумности, но может быть принят только отдельными людьми, чье представление о благе соответствует безусловно моральному благу чистого практического разума (объективная значимость и субъективная реальность). Во-вторых, и что наиболее важно, из-за своей императивной формы это практическое основоположение со словом «должен» не может быть применимо для чисто разумных существ, чья божественная или совершенная воля не зависит от каких-либо потребностей, кроме безусловного блага разума (AA 04, S. 414; Кант, 1997б, с. 121–125). Тем не менее «закон, который не является максимой», имеющий идентичное содержание («не лгать») без императивной формы, всегда применим и движет божественной волей во всех чисто разумных существах.

jective reality). Secondly, this practical principle is not applicable for all rational agents (i.e. not objectively valid) because universalising this principle would make the concept of private property impossible, thus leading to a logical contradiction. Thus, a practical principle that allows agents to steal cannot but fall under “maxims that are not potential laws”. Similarly, a practical principle that *commands* agents not to lie falls only under “maxims that are potential laws”. This is because, firstly, it is universally relevant for all human agents by virtue of their rationality and can be adopted only by individual human agents whose idea of good conforms to the unconditional moral good of pure practical reason (objective validity and subjective reality). Secondly, and most importantly, due to its imperative form, this practical principle with an “ought” is not applicable to purely rational agents whose divine or perfect will is not influenced by any needs other than the unconditional good of reason (GMS, AA 04, p. 414; Kant, 1996b, p. 67). Nevertheless, a “law that is not a maxim” which has an identical content (of not lying) without an imperative form is always applicable and moves the divine will in all purely rational agents.

6. Conclusion

If Kant had written a separate book illustrating his theory of action in detail, it would have surely shed sufficient light on the classification of practical principles. Unfortunately, he never wrote such a book. Instead, he restricted his discussions of practical principles to condensed accounts on maxims and laws, mostly as preparatory notes, in his works on moral philosophy. I believe that Kant’s elaborate moral theory presupposes a stable classification of practical principles on a sound basis. My aim in this paper was to draw out this classification from hints provided by him in his brief discussions of practical principles, maxims and laws. Contrary to what is generally assumed in the secondary literature, I have argued that Kant thought of practical principles as having two essential features: validity (i.e. the scope of their relevance to agents) and re-

6. Заключение

Если бы Кант написал отдельную книгу, подробно описывающую его теорию действия, это, несомненно, пролило бы свет на классификацию практических основоположений в достаточной мере, но, к сожалению, он никогда не писал такой книги. Вместо этого он ограничил свои рассуждения о практических основоположениях краткими описаниями максим и законов в своих этических произведениях, в основном в качестве подготовительных замечаний. Я считаю, что разработанная Кантом моральная теория предполагает наличие устойчивой классификации практических основоположений, построенной на прочном основании. Цель этой статьи состояла в том, чтобы выявить эту классификацию из подсказок, представленных в его кратких рассуждениях о практических основоположениях, максимах и законах. Вопреки тому, что обычно принимается в исследовательской литературе, я показал, что Кант рассматривал практические основоположения как имеющие два существенных признака: значимость (то есть степень их значимости) и реальность (то есть степень их эффективности в мотивации к поступку). Критикуя подход таких авторов, как О'Нил и Бек, я утверждаю, что, хотя наличие значимости и необходимо для того, чтобы основоположение стало практическим, именно критерий *реальности* определения воли одного или нескольких разумных существ будет достаточным и необходимым признаком практического основоположения. Таким образом, реальность становится прочным основанием для построения классификации практических основоположений. Я утверждаю также, что классификация практических основоположений на основании их эффективности в мотивации к поступку приводит к совокупно исчерпывающей и взаимоисключающей трихотомии, а именно: «максимы, которые не являются потенциальными законами», «максимы, которые являются потенциальными законами» и «законы, которые не являются максимами». Я считаю, что классификация практических основоположений Канта, представленная в этой статье, служит отправной точкой для понимания кантовской теории действия. Мы можем продолжить эту работу, исследуя то, как именно действующие лица принимают те или иные практические основоположения и действуют исходя из них в практических контекстах.

ality (i.e. the scope of their effectiveness in moving agents to actions). Criticising the approach of writers like O'Neill and Beck, I have argued that while the extent of their validity is necessary for a principle to be a practical principle, it is the criterion of *reality* in determining the will of one or more agents that sufficiently makes a principle a practical principle. This makes the feature of reality a sound basis of classifying practical principles. I have argued that classifying practical principles on the basis of their effectiveness in moving agents to perform actions results in a collectively exhaustive and mutually exclusive trichotomy, namely, "maxims that are not potential laws", "maxims that are potential laws" and "laws that are not maxims". I believe that Kant's classification of practical principles, as it has emerged in this paper, serves as a starting point to understand Kant's theory of action. Further work could be done on how agents adopt and act on these three types of practical principles in relevant practical contexts.

Acknowledgements. I am grateful to the anonymous reviewer of the Kantian Journal for providing useful comments on the first draft of this paper. I am also thankful to Dr. Apaar Kumar and Ms. Srajana Kaikini for their feedback on the earlier drafts of this paper.

References

- Albrecht, M., 2009. Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics. In: K. Ameriks and O. Höffe, eds. 2009. *Kant's Moral and Legal Philosophy*. Translated by N. Walker. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134-155.
- Allison, H. E., 1990. *Kant's Theory of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Atwell, J. E., 1986. *Ends and Principles in Kant's Moral Thought*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers.
- Beck, L. W., 1960. *A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bittner, R., 2001. *Doing Things for Reasons*. Oxford: Oxford University Press.
- Brewer, T., 2002. Maxims and Virtues. *The Philosophical Review*, 111(4), pp. 539-572.
- Bubner, R., 2000. Another Look at Maxims. In: P. Cicovacki, ed. 2000. *Kant's Legacy: Essays in Honor of Lewis White Beck*. Rochester: University of Rochester Press, pp. 245-260.
- Johnson, R. N., 1998. Weakness Incorporated. *History of*

Благодарности. Я выражаю признательность анонимному рецензенту «Кантовского сборника» за полезные комментарии к первой версии этой статьи. Я также благодарен д-ру Анаару Кумару и мисс Сраджане Кайкини за их отзывы на более ранние версии этой статьи.

Список литературы

- Кант И. Религия в пределах только разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.
- Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 277–733.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 39–276.
- Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 67–833.
- Кант И. Критика чистого разума. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1.
- Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. Т. 5, ч. 2.
- Albrecht M. Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics // Kant's Moral and Legal Philosophy / ed. by K. Ameriks, O. Höffe, transl. by N. Walker. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 134–155.
- Allison H.E. Kant's Theory of Freedom. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Atwell J.E. Ends and Principles in Kant's Moral Thought. Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1986.
- Beck L.W. A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason. Chicago : The University of Chicago Press, 1960.
- Bittner R. Doing Things for Reasons. Oxford : Oxford University Press, 2001.
- Brewer T. Maxims and Virtues // The Philosophical Review. 2002. Vol. 111, № 4. P. 539–572.
- Bubner R. Another Look at Maxims // Kant's Legacy: Essays in Honor of Lewis White Beck / ed. by P. Cicovacki. Rochester : University of Rochester Press, 2000. P. 245–260.
- Johnson R.N. Weakness Incorporated // History of Philosophy Quarterly. 1998. Vol. 15, № 3. P. 349–367.
- McCarty R. Kant's Theory of Action. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Morrison I. On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of the Will // History of Philosophy Quarterly. 2005. Vol. 22, № 1. P. 73–89.
- O'Neill O. Acting of Principle: An Essay on Kantian Ethics. Columbia : Columbia University Press, 1975.
- Paton H.J. The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. L. : Hutchinson's University Library, 1947.
- Potter N. Maxims in Kant's Moral Philosophy // Philosophia. 1994. Vol. 23. P. 59–90.
- Reath A. Agency and Autonomy in Kant's Moral Theory: Selected Essays. Oxford : Clarendon Press, 2006.
- Philosophy Quarterly, 15(3), pp. 349-367.
- Kant, I., 1992. Jäsche Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated & edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 517-640.
- Kant, I., 1996a. Critique of Practical Reason. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated & edited by M.J. Gregor, General Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-272.
- Kant, I., 1996b. Groundwork of Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated & edited by M. J. Gregor, General Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-108.
- Kant, I., 1996c. The Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated & edited by M.J. Gregor, General Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-604.
- Kant, I., 1996d. Religion within the Boundaries of Mere Reason. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated by G. Giovanni, edited by A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 36-216.
- Kant, I., 1997. *Lectures on Ethics*. Translated & edited by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated & edited by P. Guyer and A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Translated & edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated & edited by A.W. Wood & R.B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarty, R., 2009. *Kant's Theory of Action*. Oxford: Oxford University Press.
- Morrison, I., 2005. On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of the Will. *History of Philosophy Quarterly*, 22(1), pp. 73-89.
- O'Neill, O., 1975. *Acting of Principle: An Essay on Kantian Ethics*. Columbia: Columbia University Press.
- Paton, H.J., 1947. *The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy*. London: Hutchinson's University Library.
- Potter, N., 1994. Maxims in Kant's Moral Philosophy. *Philosophia*, 23(1-4), pp. 59-90.
- Reath, A., 2006. *Agency and Autonomy in Kant's Moral Theory: Selected Essays*. Oxford: Clarendon Press.
- Silber, J.R., 1960. The Copernican Revolution in Ethics: The Good Reexamined. *Kant-Studien*, 51, pp. 85-101.
- Timmermann, J., 2000. Kant's Puzzling Ethics of Maxims. *The Harvard Review of Philosophy*, 8(1), pp. 39-52.
- Timmermann, J., 2007. *Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Commentary*. Cambridge: Cambridge

Silber J.R. The Copernican Revolution in Ethics: The Good Reexamined // *Kant-Studien*. 1960. Vol. 51. P. 85–101.

Timmermann J. Kant's Puzzling Ethics of Maxims // *The Harvard Review of Philosophy*. 2000. Vol. 8, № 1. P. 39–52.

Timmermann J. Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Commentary. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Timmermann J. Reversal or Retreat? Kant's Deductions of Freedom and Morality // *Kant's Critique of Practical Reason: A Critical Guide* / ed. by A. Reath and J. Timmermann. N.Y. : Cambridge University Press, 2010. P. 73–89.

Wood A. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

Об авторе

Вивек Кумар Радхакришнан, аспирант-исследователь, Манипалский центр гуманитарных наук, Манипалская академия высшего образования, Индия.

E-mail: vivek.logos@gmail.com

О переводчике

Александр Сергеевич Киселев, студент бакалавриата направления «Философия», академический ассистент Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ALSKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Радхакришнан В. К. Пересмотр динамики максим и законов в свете кантовской теории действия // *Кантовский сборник*. 2019. Т. 38, № 2. С. 45–72. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-3

University Press.

Timmermann, J., 2010. Reversal or Retreat? Kant's Deductions of Freedom and Morality. In: A. Reath and J. Timmermann, eds. 2010. *Kant's Critique of Practical Reason: A Critical Guide*. New York: Cambridge University Press, pp. 73-89.

Wood, A., 1999. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

The author

Vivek Kumar Radhakrishnan, PhD research scholar, Manipal Centre for Humanities, Manipal Academy of Higher Education (MAHE), India.

Email: vivek.logos@gmail.com

To cite this article:

Radhakrishnan, V.K., 2019. Revisiting the Maxim-Law Dynamic in the Light of Kant's Theory of Action. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 45-72. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-3>